

ОЛЕГ ТАРУГИН
ДМИТРИЙ ПОЛИТОВ

МАГИЯ,
ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

Олег Таругин

Магия, до востребования

«ЭКСМО»

2007

Таругин О. В.

Магия, до востребования / О. В. Таругин — «Эксмо», 2007

По Земле прокатилась загадочная эпидемия, в результате которой люди обрели сверхъестественные способности. Довольно быстро свежеиспеченные маги объединились в Ордена, Конвенты и Гильдии, которые столкнулись с ожесточенным сопротивлением госструктур, вовсе не собиравшихся делиться властью. На борьбу с новоявленными волшебниками были брошены бойцы спецназа. Волшебники применили боевую магию. Главный герой романа, отставной капитан Иван Вакулов, оказался в самом центре этой борьбы. Ему пришлось вмешаться в спецоперацию по похищению секретного российского ученого, попасть под ментальный контроль ведьмы и пережить массу других приключений. И именно ему предстояло решить: быть ли магии на Земле или, может, ну ее к дьяволу!

© Таругин О. В., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	30
Глава 5	37
Глава 6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Олег Таругин, Дмитрий Политов

Магия до востребования

Пролог

Орбитальный научный комплекс, Солнечная система, недалекое будущее

– Надеюсь, это стоило того, чтобы поднимать меня в половине пятого утра. Есть только одна причина, которая вас оправдает. И имя этой причине «коэффициент соответствия выше 0,933». Надеюсь, это оно? Очень надеюсь, иначе наши отвратительные отношения станут куда более отвратительными! – Вошедший в лабораторный зал человек стремительным движением заложил руки за спину и, не сбавляя тона, закончил: – Итак, доктор? Чем обязан *на этот раз*? У нас есть ноль-запятая-девять-три-три?

– У нас есть *четыре* полностью отвечающих запросу объекта с КС от 0,942 до 0,995. Кстати, всего объектов девять. Если вы еще помните наши прошлые попытки, должны помнить и то, что наивысшим показателем до сего момента было 0,971 и 0,988 при несоответствии летального индекса на одну и две сотых стандартной секунды. Если, конечно, вам это хоть что-то говорит! – Тон, которым все это было произнесено, однозначно давал понять: «отвратительные отношения» между двумя собеседниками имеют место быть в полной мере. И немного сверх этого.

– Н-да? Что ж, поздравляю, док, наконец-то! – Недовольный ранним пробуждением человек значительно понизил шумовой порог голоса. Хотя и не настолько, чтобы сделать вопрос «кто здесь главный?» хоть сколь-либо актуальным. – Вы уже запустили процесс?

– Конечно, нет. Я лишь замкнул избранные объекты в ловушке нулевого поля, не более того. Насчет остального – пункт 23-бис внутренней...

– Доктор, я вас очень... пока просто прошу – прекратите ерничать. Эту инструкцию писал я сам, и вы прекрасно это знаете! Начинайте.

– Пункт 23-бис внутренней инструкции запрещает...

– Хватит, док, иначе вы когда-нибудь достанете меня настолько... – Закаменев лицом, человек взглянул в глаза упрямому собеседнику и четко, едва ли не по слогам (как будто бы это имело какое-то значение для высокочувствительных микрофонов, пишущих все разговоры в лаборатории), произнес: – Приказываю. Приступить. К выполнению. Завершающей. Фазы. Эксперимента. Все энергетические ограничения сняты, лабораторный отсек переведен в режим «А». Может быть, теперь вы сообразите начать, доктор Мэдисон? Надеюсь, я выполнил этот ваш – или мой – «пункт 23-бис»? – Не дожидаясь ответа, человек резко развернулся и покинул помещение, так что вежливо-язвительное «благодарю, сэр» было произнесено уже ему в спину.

Несколько секунд тот, кого назвали доктором Мэдисоном, грустно смотрел ему вслед. Точнее, на автоматически закрывшиеся герметичные двери с трафаретным логотипом в виде большеглазой совы на створках. Затем он негромко, так, чтобы не услышал никто из лаборантов (на те самые микрофоны ему давно уже было наплевать), произнес себе под нос:

– Хотел бы я знать, к чему все это приведет и приведет ли вообще хоть к чему-то...

Два века спустя, экстратерриториальная колония «Дальир», где-то за пределами Пояса Недостижимости

...Они знали, что шансов *успеть* у них немного. Но и *не успеть* они не имели права: слишком велики ставки. Горстке ученых не под силу спасти погрязший в безумии, с каждой секундой катящийся к пропасти мир, однако еще можно сделать так, чтобы об их трагедии

узнали. И пусть даже выброшенную гиперканалом информационную капсулу обнаружат не сразу, пусть она какое-то время будет дрейфовать в космосе, но рано или поздно сигнал ее маяка засекут. Капсулу поднимут на борт корабля, доставят на Землю или на одну из орбитальных баз, вскроют, подобрав простейший молекулярный код обшивки, – и люди узнают, что произошло.

Узнают, куда несколько столетий назад пропал вместе со всем экипажем и пассажирами большой колониальный транспорт. Поймут, отчего все эти годы молчала, не в силах подать сородичам весть, новоявленная колония. Разберутся, какие силы безжалостно раскололи людей на два непримиримых лагеря. Поверят, что магия – вовсе не сказочная сила из древних фантастических книг, а реальность. Причем реальность более чем жестокая, способная в корне менять судьбы целых миров и цивилизаций.

И, главное, будут знать, *чем* все закончилось...

«Не спасти себя, но предупредить остальных!» – вот о чем думали эти люди, настраивая стартовый контур – единственную более-менее уцелевшую часть разрушенного при посадке транспорта гипердрайва. С его помощью, конечно, невозможно открыть полноценный канал, но вот отправить небольшой, весом чуть более ста килограммов, объект – вполне. А сохранившиеся в памяти бортового компьютера координаты околоземного пространства позволяли надеяться, что финишный створ выбросит капсулу именно там, где они и хотели.

Неподалеку от легендарной праматери-Земли.

Жаль, что таким путем нельзя было просто наладить связь с сородичами: гиперпространство позволяло перебрасывать на чудовищные по человеческим меркам расстояния только материальные объекты.

Впрочем, *теперь* это было уже неважно...

... – Сколько еще, Вить? – не глядя на товарища, спросил давным-давно небритый человек, сидящий на металлическом контейнере перед портативным пультом управления. Несмотря на то что сам пульт выглядел так, будто не один десяток лет пролежал на свалке, висящий над ним голографический монитор работал вполне исправно.

– Пять минут до активации, – ответил тот, также не отрываясь от своего дисплея. – Ну почему эти уроды решили начать именно сегодня? Что там боевая сеть, Клаус?

– Информировать о запуске стратосферных ракет первого удара. Как минимум одна пошла на нас. Сейчас попробую добраться до телеметрии.

– Нам нужно хотя бы двадцать секунд форы. Иначе капсула...

– Я в курсе, – сухо бросил тот, кого назвали Клаусом, – и что такое электромагнитный импульс, тоже помню. Ага, есть телеметрия! Сейчас... вот: на нас идет боеголовка четырехсотой серии, удаление от эпицентра порядка двух километров, взрыв будет надземным, высота триста метров, подлетное время четыре минуты сорок одна секунда... – совершенно упавшим голосом закончил он едва слышно. – Витька, неужели все зря?!

– Должны успеть, у меня уже четыре с половиной. Отвести никак нельзя? Сбить программу?

– Нет, сеть отказала мне в доступе. Для военного времени моей «единицы» мало, нужен нулевой доступ.

– Ясно. Слушай, не психуй, я тут прикинул – в принципе ничего особо страшного с каналом произойти не должно. А с капсулой – тем более. На крайняк, наша малышка финиширует чуть в стороне от расчетной точки.

– Сколько? – перебил товарища Клаус.

– Три сорок семь. У тебя?

– Три пятьдесят восемь.

– Вот видишь, а ты переживал. Успеем. – Виктор поднялся на ноги, потянулся, разминая занемевшую спину. Взглянул на сидящего в нескольких метрах собеседника. Выглядел он совершенно спокойным. – Ну, давай, что ли, прощаться, пока время есть? Четырехсотка, да с двух километров...

– Давай, братишка! – Голос Клауса окреп, и ученый решительно встал со своего импровизированного стула.

...Спустя три с половиной минуты информационная капсула навечно исчезла в зеве распахнувшегося гиперпространственного канала. Одновременно потухли оба монитора и все контрольные индикаторы на пультах: последняя энергия ушла на открытие стартового контура.

А еще через десять секунд исчезло и вообще все...

*Дальир, приблизительно через тысячу лет
после описанных событий¹*

... – Моя очередь, – глядя в бездонные глаза Яллаттан, все еще залитые слезами, беззвучно шепнул Алексей, высвобождая из кармашка разгрузки последнюю РГД. – Дай пальчик... считай это нашей необычной помолвкой – большего я уже не успею сделать. Прости, но вот теперь точно все... Магия рядом с ним мертва, – добавил он, надевая на девичий палец кольцо. Помочь себе второй рукой, остающейся на виду у Веллахима, он не мог, а зубами чеку вытягивают исключительно киногерои.

Понуднее обхватив гладкое тело гранаты, он сжал пальцами упругие усики и потянул. Кольцо выскользнуло, на самом деле оставшись наподобие обручального на вздрогнувшем пальце Яллаттан. Продолжая прижимать к корпусу рычаг, Алексей медленно встал и обернулся, встретившись глазами с надменным взглядом старого эльфа. Теперь они стояли всего лишь в двух метрах друг от друга.

– Знаешь, хорошо, что ты пришел. Мне это здорово помогло принять решение. Я был глуп, старик, просто патологически глуп. Зачем-то пытался воевать, носился с оружием, с древними зомби, чуть не вжарил по вам ядерной ракетой... а все было так просто. Эта девочка, почти ребенок по вашим меркам, и то поняла куда больше, чем я. Все так просто... и ведь мне, дураку, об этом уже говорили, и не раз! И отец, и Яллаттан, и столь горячо любимый тобой Кэлахир... Нельзя принести в жертву одних, чтобы жили другие, нельзя, понимаешь?.. Поэтому все, что следовало сделать, – просто отказаться от своей драгоценной жизни ради жизней других. Друзей, врагов... неважно. Нет разницы. Самопожертвование – слышал, может, такое слово? А ЗНАЕШЬ, ЧТО Я СЕЙЧАС ПОЖЕЛАЮ?

– Тебе не удастся воспользоваться закланием Последнего Желания, болван, – брезгливо поморщился Веллахим. – Здесь, в созданной мной крохотной реальности, нет иной магии, кроме моей темпоральной. Давай лучше...

«ДЗИНЬ!» – мелодично звякнув, отлетела предохранительная скоба зажатой в руке гранаты. Веллахим нахмурился и опустил взгляд.

– Не-а, – прокомментировал капитан, поднимая гранату на уровень груди и держа ее кончиками пальцев, будто драгоценный сосуд, – *в ней тоже нет ни капли магии*. Не получится. Извини.

– Ублюдок... у тебя все равно ничего не выйдет... – прошипел старик, делая шаг назад и скрываясь в разверзнутом в воздухе портале. И тут же время вернулось к своему обычному течению.

– ...ровать, сначала девушку, затем тебя!

¹ Подробнее события на Дальири описаны в романе «Потерянный «Эльф», изд-во «Эксмо», 2009, 2010 год.

– Давай!!! – заорал капитан, молясь, чтобы замедлитель прогорел еще хотя бы секунду. – Первой – девочку. Полная отмена бомбардировки. Передача управления системой к Яллаттан. Выполняй!

– Выполня... – удивленная «Галка» не успела договорить; вернее, капитан российского спецназа Алексей Астафьев не расслышал окончания фразы.

Все пропало в знакомой – с чего начал, тем и закончил! – ослепительной вспышке.

Но все же он успел заметить, как исчезла с превратившейся в поле решающей схватки поляны Яллаттан, окруженная голубоватым сиянием стартовавшего телепортационного канала...

* * *

...Я хочу, чтобы все разумные существа в этом мире узнали все то, что узнал я; все то, о чем рассказал мне отец; все то, что я понял сам. Хочу, чтоб они задумались над этим Знанием и сами избрали свой Путь... Я разрываю твой договор, несуществующая сущность, и навсегда освобождаю всех эльфов от данной тебе клятвы. Тебя нет, никогда не было и больше уже не будет, мать войны... Я прощаю всех своих врагов и ухожу без зла и обиды... да будет так, аминь...

Где-то и когда-то...

... – Привет, сынок.

– Привет, папа. Слушай, неужели это то самое место?! Помнишь, вон там наша палатка стояла, а с того утеса мы рыбу удили... это сколько ж мне тогда было? Одиннадцать?

– Десять, сынок, десять. Ладно уж, давай говори, что хотел, чего тянуть.

– Да что говорить? Облажался я, по полной программе облажался! Так что зря ты на меня понадеялся, папка...

– Серьезно? – Отец усмехнулся. – Ты на самом деле так считаешь? Ошибиться не боишься?

– Что?!

– Да, сынок, иногда достаточно всего лишь одной жизни, чтобы спасти миллионы других. Не друзей, не врагов даже – просто других. Главное, чтобы ее, эту жизнь, ты отдал *сам*.

– Ох... постой, а что же теперь будет с Дальиром? Его больше нет? Ведь петля времени...

– Есть, Ежик, есть, куда уж без него? Благодаря нашему с тобой предку-потомку Дальир слишком тесно связан с прошлым Земли, чтобы просто так взять и исчезнуть. Открою тебе одну тайну – его история еще совсем не окончена. Лет через сто люди доберутся сюда – и им предстоит очень сильно удивиться.

– Чему?

Отец не ответил, глядя куда-то вдаль, туда, где за поросшими травой известняковыми скалами приветливо синело море. Затем обернулся к сыну и, положив на плечо руку, сказал:

– *Пока* тебе еще рано это знать, Ежик.

– Но... я думал, раз я тоже погиб, раз мы теперь вместе, я тоже узнаю...

– Ох, сынок, уморил старика! – искренне рассмеялся отец, поднимаясь. – А с чего это ты взял, что погиб? Разве тебя *призвали*? – Он подал руку, помогая сыну встать. – *Иди, солдат*. Это еще не последний твой бой.

– Куда, отец?

Глава 1

Россия, Москва, недалекое будущее

... – Не-а, не пойдет, – решительно сказал Иван и резко выбросил вперед правую руку (нож он приготовил заранее). Лезвие, казалось бы, обманчиво легко чиркнуло по горлу человека, но тот судорожно взмахнул руками, опрокинулся назад и тяжело захрипел, захлебываясь собственной кровью.

Иван вскочил на ноги, настороженно следя за умирающим. В левой руке он уже держал наготове длинную серебряную иглу на тот случай, если вдруг сработает заклинание-трансформер и его собеседник начнет оборачиваться в какую-нибудь тварь. Но то ли маг был донельзя самонадеян, то ли просто глуп, он так и умер, пытаясь зажать руками страшную рану и не сделав ни одной попытки применить волшебство.

Бармен, что лениво протирал, наверное, в тысячный раз и без того сверкающие стаканы, вопросительно поднял бровь. Иван отрицательно качнул головой, показывая, что помощь ему не нужна и с проблемой он справится своими силами. Халдей тут же потерял интерес к происшедшему и вернулся к своему прежнему занятию. Пока что у него не было причин не доверять своему постоянному посетителю.

Иван хмуро зыркнул по сторонам, но никто из пьющих и гуляющих в кабаке людей не проявлял излишнего любопытства. Ну, зарезали опять кого-то – и что с того? Раз уж администрация не поднимает по этому поводу шума, то и другим нечего лезть в это дело – пусть сами и разбираются. А свежим покойником нынче никого не удивишь.

Вакулов обошел столик и наклонился над лежащим на широкой скамье телом. Он аккуратно ткнул покойника иглой в руку и на всякий случай отодвинулся на безопасное расстояние. Ничего не случилось – *восстать* свежесобитый не пытался.

Иван одобрительно хмыкнул, вновь склоняясь над трупом. Первым делом он аккуратно проверил одежду мертвеца на предмет скрытых охранных амулетов. Чисто!

Это становилось даже забавным – неужели его гость был настолько уверен в своей безнаказанности, что не удосужился обзавестись даже самым простеньким «сторожевиком»?² Воистину, «так проходит земная слава»³ – раньше в это заведение незнакомцы заходили, лишь будучи увешанными охранными заклинаниями с головы до пят. А теперь...

Иван едва удержался, чтобы в сердцах не сплюнуть на пол, но вовремя удержался от опрометчивого поступка: хозяин кабака до Эпидемии успел побывать в «местах, не столь отдаленных» и, как говорили, был там в немалом авторитете. А одной из заповедей у эзков, как известно, было уважение к своему дому, и попытка нагадить в нем каралась весьма жестко.

Вакулов пробурчал себе под нос нечто нелицеприятное в адрес покойника – это ж надо, тот и после смерти умудрялся доставлять Ивану сплошь одни неприятности: не словами, так всякими разными непонятками, что так и норовили проявиться во всей красе в самый неподходящий момент. А сейчас был именно он – этот самый «неподходящий момент»!

Мало того, что, по всей видимости, из-за выброса адреналина Иван испытывал насущную потребность уколоться, так еще и новые гости на огонек пожаловали.

Патруль!

Блин!..

² «Сторожевик» – жаргонное название амулета, настроенного на охрану своего владельца. Обычно заряжается какой-либо разновидностью Щита – воздушного, огненного и т. п. Может быть настроен как на автоматическое срабатывание в случае угрозы, так и на произнесение определенного слова или фразы.

³ Так проходит земная слава – перевод с латинского поговорки Sic transit gloria mundi.

Вакулов все-таки не сдержался и длинно сплюнул, решив, что бывший зэк простит ему этот жест неприязни к «новым мусорам», а после высказал небесам (их роль с успехом исполнил закопченный потолок) все, что думает о своей нелегкой судьбинушке.

Это ж как должно было все совпасть, чтобы бездельники из гарнизона решили вдруг устроить рейд по значным местам и соизволили войти в зал именно в тот момент, когда он, Иван Вакулов, склонился над жмуриком, а?! И не просто над жмуриком, а над делом, так сказать, рук своих! Прямо-таки дешевый бульварный роман, коими были забиты все прилавки книжных магазинов до Эпидемии.

Вот непруха!

Патрульные отреагировали на удивление резво – один накинуд на себя и своих спутников защитный купол, а двое других врезали от души, не разбираясь, кто прав, кто виноват, одновременно и слезоточивым, и усыпляющим газом.

Юмористы, блин!

Эту мысль Иван додумывал уже в прыжке, вылетая в приоткрытое (да здравствуют курильщики и отсутствие вентилятора!) окно. Хорошо еще, что пожаловали обычные муниципалы, а не какие-нибудь «гаррипоттеры» из элитных структур Ордена. А уж тем более, не «часовщики»!

Бр-р! Дождь не закончился, и приземлился он прямо в роскошную холодную лужу, что морем разлитым успела раскинуться под самым окном.

Вакулов резво перекатился по грязи, меняя позицию, но, на удивление, снаружи его никто не караулил. Иван мельком подивился этому обстоятельству и изо всех сил рванул за угол дома. Была, правда, такая вероятность, что муниципалы ему попались ну совсем «вумные» и он нарвется на четвертого патрульного (обычно они ходили двумя парами, а в кабаке их было только трое) как раз там, но... опять его бог миловал, и через знакомую дыру в заборе удалось проскочить безо всяких эксцессов.

Иван пулей пронесся по небольшому проулку, перебежал улицу, миновал еще парочку соседних и, наконец, нырнул в дыру родимого подвала. Здесь было темно, гадостно воняло, но зато не было никого постороннего, а самое главное, по нему можно было уйти, не поднимаясь на поверхность, практически куда угодно.

Он привалился к стене и постарался отдышаться. Не мальчик все-таки – скоро уж сороковник – не так-то просто нынче в забегах по пересеченной местности участвовать! Тэк-с, что там на улице – не видать погони?

Вакулов встал на старый деревянный ящик и осторожно выглянул в маленькое окошко под самым потолком. М-дя, ни хрена не видать: дождь по-прежнему полочет будь здоров, а редкие сохранившиеся в этом районе фонари света дают с гульки... гм... хрен. Но, если подумать, так это же просто замечательно, потому что и маги сейчас его не достанут.

Мечутся, поди, возле кабака, да ругаются зазря. Даже если среди них и есть «водник», так ведь дождь – это порождение воздушных масс, а если «воздушник», то, соответственно, дождь – это, как ни крути, вода. Попробуй, подчини себе столь переменчивую субстанцию! Такое разве что универсальному магу под силу, но откуда ему среди муниципалов взяться? Вывод, конечно, дилетантский, но верить в его правильность Ивану очень уж хотелось... А собачек они, как известно, не жалуют – привыкли только на свою Силу полагаться! Только сейчас от нее ведь ну никакого толку!

Иван злорадно ухмыльнулся и утер рукавом лицо. Хорошо, стекло не разбил, когда в окно прыгал, – наверняка бы лицо порезал, а по крови к нему бы пришли очень и очень скоро.

Ладно, надо пользоваться паузой – если сейчас не уколоться, то скоро будет совсем не весело. А потом, на всякий пожарный, надо двигать куда подальше, в самый лабиринт подземных переходов, и там переждать эту напасть. Переждать – и обязательно все хорошенько обмозговать!

Иван потянулся к нарукавному кармашку своей выдавшей виды камуфляжной куртки.
М-М-МАТЬ-ПЕРЕМАТЬ!!!

В кармане зияла роскошная дыра, и заветный шприц-тюбик отсутствовал напрочь! То есть абсолютно...

...Утро выдалось хмурое, да и газ в зажигалке закончился. Иван с надеждой потряс пластмассовый корпус, но тщетно – кремень выдавал только искры. Вакулов матернулся и спрятал неприкуренную сигарету обратно в портсигар. Ага, именно, в портсигар – к этой вещице уже давно приценивался один его знакомый и сулил сначала пять, а потом и восемь порций «якоря», но Иван лишь пренебрежительно хмыкал и гордо отказывался, невзирая на свое не слишком завидное положение. Уж больно раритетная вещь была – в свое время ребята из группы преподнесли ему на юбилей эту массивную серебряную штучковину с прикрепленным к крышке подлинным немецким знаком времен Второй мировой «за участие в тридцати атаках», что символизировало – по их мнению – количество прожитых именинником лет.

Вакулов поднял воротник куртки, привычно заломил набок старенький, порядком выцветший берет без кокарды и решительно шагнул на улицу.

Дождь – по сравнению с тем, что было ночью, – слегка утих, но все равно поливал основательно. Небо было затянуто плотной низкой пеленой темно-серых, без единого просвета, туч, и Иван машинально отметил, что эта мерзкая погодка, похоже, установилась надолго.

Прохожих на улице было немного. Да и кому, собственно, взбредет в голову выходить на улицу из теплого (или какого уж есть) дома под противные косые струи, что так и норовят ударить по лицу или очутиться за шиворотом?

Иван споро шел по заваленному мусором тротуару, брезгливо переступая через наиболее неприглядные кучки и искренне надеясь, что после дождя станет хоть ненамного чище. Может, хоть вода выполнит ту работу, на которую давным-давно забили большой ржавый гвоздь дворники?

О, гляди-ка, демонстрация!

По самой середине улице навстречу Вакулову довольно бодро двигалась процессия чело-
век эдак из пятидесяти. Преобладали в ней женщины в возрасте от сорока и выше, но не старше шестидесяти. Все они были хорошо одеты и тщательно накрашены. В другой ситуации все их усилия пропали бы даром и лица быстро превратились бы в отвратную маску, но сейчас они были защищены от непогоды заклинанием, что поддерживали две молодые волшебницы, ехавшие следом за колонной на открытом кабриолете народно-бандитской марки «бээмвэ».

Девчушкам было лет по двадцать. Удобно расположившись на заднем сиденье, они оживленно обсуждали свои дела, не забывая время от времени взмахивать какими-то вычурными безделушками, чтобы, по всей видимости, подпитать теряющую силу волшбу. С большой долей уверенности – ха, да посмотрелся уже! – Вакулов предположил, что наблюдает работу двух не слишком сильных колдуний с талисманами.

За рулем сидел мужчина с породистым, холеным лицом потомственного аристократа в белоснежной шелковой рубашке с небрежно расстегнутым воротом. Он также участвовал в беседе юных чародеек, время от времени бросая не слышимые Иваном реплики. Последние, вероятно, имели успех, так как девицы периодически заходились в приступах хохота.

Иван замедлил шаг и с хмурым любопытством присмотрелся. Ага, судя по плакатам в руках у демонстрантов, это были представители так называемой Гильдии. В принципе, Вакулов не испытывал каких-то особо враждебных чувств к этой организации – их пути пересекались довольно редко. Но это только, гм, в теории. На деле же Иван отчетливо ощущал, как вздыбливается у него на загривке шерсть первобытного хищника, заведявшего смертельного – а то и кровного! – врага.

Ну не любил Иван магов и магию, ни в каком виде не любил! Равно как и не любил вдаваться в причины такого своего поведения. Да, периодами приходилось сдерживать свою натуру, чтобы не влипнуть в неприятности, но демонстрировать «искреннее дружелюбие и пламенные чувства»... Увольте!

В смысл лозунгов на транспарантах Вакулов не вникал – ему было вполне достаточно понять, *кто* перед ним, чтобы выработать нужную линию поведения, и только. Обдумывать же глубоко чуждые ему идеи он считал делом пустым и бессмысленным.

Вот и сейчас, перебрав несколько вариантов, Иван решил, что самым лучшим сейчас будет просто пойти дальше, не задерживаясь и никак не демонстрируя своего интереса. Иначе его вполне могли принять за потенциального клиента, а это грозило длительной беседой-зазывалкой, от которой сводило скулы и руки против воли сжимались в кулаки.

Пара случайных прохожих уже стали такими «жертвами» – к ним из колонны выскочили несколько бойких тетушек с красочными журналами и листовками в руках и традиционной улыбкой в сорок два зуба. Одна из юных колдуний в автомобиле на секунду отвлеклась от разговора и лениво повела талисманом в сторону своих старших «подруг-агитаторов». Вокруг их фигур на мгновение вспыхнуло, тут же угаснув, неброское серое марево, и падающая с небес вода начала барабанить по незримой пленке, скатываясь на землю и оставляя одежду сухой.

Вакулов усмехнулся про себя. Вот ведь пижоны: смотрите, мол, как удобно владеть магией! Они бы лучше рассказали о *подлинной* цене, что придется заплатить возжелавшему приобщиться к ее таинствам!

Иван поглубже засунул руки в карманы и, приняв как можно более занятой вид, быстро двинулся вперед, стремясь побыстрее миновать неприятное место. Пару дернувшихся было к нему женщин он хлестнул полупрезрительным предупреждающим взглядом, отбивавшим охоту к общению: все же и в его «конторе» в свое время трудились неплохие педагоги!

Вакулов уже праздновал победу, когда из поравнявшегося с ним кабриолета до него донесся вкрадчивый голос:

– А ведь тебя ломает, дружок... Не так ли?

Иван словно в невидимую стену со всего размаха врезался.

– Ты-то откуда знаешь? – процедил он ледяным голосом, меряя радостно ухмылявшегося колдуна отнюдь не дружелюбным взглядом.

– Так ведь... *вижу*, – с деланой беспомощностью развел тот руками.

Девушки позади него прыснули. Одна из них, брюнетка с яркой, кроваво-алой лентой в волосах, смотрела на Ивана, хитро прищурившись и зазывно облизывая розовым язычком чуть припухшие губки.

«Вот стерва, – с нарастающим внутри раздражением, подумал Вакулов. – Неужто ей этого разукрашенного попугая мало? Или это уже рефлекс – постараться получить власть над любым мужиком, что оказался в пределах досягаемости?»

– Что молчишь, дружок? – продолжил тем временем водитель.

Напарница брюнетки, слегка полноватая девчонка с каштановыми кудряшками, капризно осведомилась:

– Симон, ну зачем мы остановились? Наши же сейчас уйдут за радиус действия талисманов.

– Так вот пойд и догони их. Заодно разомнешься! – резко бросил ей мужчина, не отрывая хищного взгляда от Ивана. А потом неожиданно подмигнул ему: – Так как – я прав насчет ломки?

Обиженная девчонка отбросила спинку переднего сиденья и выскочила на мостовую, сильно хлопнув дверцей. Брюнетка сбилась с роли опытной обольстительницы и растерянно хлопала длинными ресницами, с недоумением переводя взгляд с Ивана на удаляющуюся подругу и обратно.

Вакулов набычился:

– По-моему, слишком много вопросов, милейший. Не поехать ли тебе следом за... коллегами?

– Надо же, какие мы гордые, – развеселился названный «Симоном», – едва на ногах стоит, а гонору до небес! Нет, определенно, ты мне нравишься, дружок!

Иван хотел было послать колдуна еще дальше, чем прежде, но вдруг и в самом деле почувствовал дурноту, накотившую на него, словно морской прибой.

«Ну, Хохол, ну, сука! – с тоской подумал он. – А ведь убеждал, что свежий «якорь»!»

Разноцветные мошки перед глазами исчезли так же внезапно, как и появились. Подступивший к горлу комок растворился без следа, и Иван, мигом отбросивший прежние мысли, на всякий случай сделал шаг назад.

– Магическое воздействие на любого человека, против его воли и согласия, противоречит основным статьям Резолюции⁴, – заученно выпалил он.

– Да разве ж я магичу?! – всплеснул руками колдун. – Вот у Маргоши спроси, если не веришь, – с наглой ухмылкой предложил он, насмешливо блестя черными глазами. Брюнетка за его спиной хихикнула.

Иван скрипнул зубами. Ответить было нечем – он не мог определить, было ли на самом деле произведено какое-либо воздействие на него или нет.

«Вот поэтому вас так и ненавидят, уроды», – с ненавистью подумал Вакулов.

– Садись, поговорим? – миролюбиво предложил колдун, кивая на соседнее сиденье. – Я думаю, что у нас найдутся общие интересы, нет?

– В другой раз, – угрюмо бросил Иван. – У меня другие планы на ближайшее время.

Симон понятиливо ухмыльнулся:

– Не смею задерживать, дружок.

– И тебе не болеть! – ощерился Вакулов и решительно устремился вперед, оставляя колдунов за спиной. Его буквально трясло от злости – попались бы вы мне *при другом раскладе*! Морочите людям головы – ну и морочьте, а меня лучше не трогайте, иначе я тоже... трону! Благо кой-чему научен. Ишь, «дружка» нашел! Я таких друзей...

Оп-па! Здрасте, не ждали: прямо на Ивана из-за угла вышел вполне довольный жизнью Пан. Ну, вообще-то, он был Панов. Димка Панов, но все с детства его звали «Пан», да он особо и не обижался. Он всегда был спокойным, веселым и дружелюбным парнем, душой любой компании, бабником, выпивохой, отличным спортсменом (Иван всегда удивлялся, как в нем все это уживается одновременно?) – и хорошим другом Вакулова.

После школы Пан успел закончить два института, отучиться в аспирантуре, защитить диссертацию по банковскому делу, жениться, родить сына и т. д. и т. п.

Короче говоря, к началу Эпидемии он занимал в одном крупном банке весьма высокую должность и был, что называется, «в полном шоколаде». С Вакуловым же он связи не терял – периодически встречались и каждый раз хорошо проводили время за бутылочкой какого-нибудь доброго «многоградусного» напитка.

– О, Иван Викторович! – радостно заорал Пан, раскидывая руки. – А я его уже битый час ищу – у меня там столик в «Трех Конях» заказан, а он шляется где-то. А ну, давай, служба, сорок пять секунд на сборы – и марш-марш!

Вакулов почувствовал, как его губы сами собой раздвигаются в улыбке, и вдруг совершенно ясно понял, что надраться сейчас с хорошим приятелем – это самый лучший способ забыть обо всех неприятностях.

⁴ Резолюция (резолюция № 447 от 12 сентября) – документ, принятый Ассамблеей ООН через полтора года после окончания Эпидемии. Регламентировал взаимодействие государственных и магических институтов власти. Был одобрен практически всеми странами мира и наиболее влиятельными силами чародейского сообщества. Имеет статус международного закона.

- И плевать, что сейчас только утро! – решительно закончил свою мысль уже вслух Иван.
– Точно! – радостно согласился с ним Пан...

ЭКСПЕРИМЕНТ № 00889-11

Поиск базового пси-носителя

Восточная Пруссия, конец лета 1944 года

...Узнаваемо-угловатая «Ягдпантера» словно издевалась – ни от кого не скрываясь, перла вперед, подминая широкими гусеницами реденький подлесок и покачивая длинным хоботом орудия. Это было странно. Для самоходки, пусть даже и вооруженной знаменитой «пак – сорок три – дробь один», действовать в одиночку, без прикрытия танков и не из засады – верная гибель.

Если, конечно, она не трофейная. Лейтенант Каламышев поднес к глазам восьмикратный «цейс», тщаь разглядеть на покрытой обшарпанными камуфляжными разводами броне хоть какие-то опознавательные знаки новых хозяев (как же без этого? так и от своих снаряд в борт получить недолго). Не разглядел. Точнее, как раз разглядел: черно-белый крест и подстершийся трафаретный номер на борту боевой рубки. И высунувшегося из командирского люка «панцерваффера» в приплюснутой наушниками черной пилотке. Не трофейная... Немцы...

Вот елки-палки, дочинились, называется! Надо ж было именно здесь гусеницу порвать! Самое паршивое место – передовые части вырвались вперед, тыловые еще не подтянулись (да и не скоро подтянутся). И они тут, как прыщ на заднице... Вот и навалились, точнее, с минуты на минуту нарвутся, как только фрицы их засекут. Жиденькие кустики на полкорпуса – то еще укрытие, вся рубка наружу. И ведь только собрались движок запустить да убраться отсюда...

А самоходка меж тем окончательно выехала на открытое место и, выстрелив клубом сизого дыма, начала разворачиваться, потихоньку пятясь и, похоже, собираясь занять позицию. Значит, все-таки засада. Интересно, одна она тут или...

Ну и как, собственно, ему теперь поступить? Вступать в бой? Далековато, с километр точно будет, а то и больше. А с их восьмидесятипятимиллиметровой не так чтоб сильно разгуляешься! Это тебе не пятьсот метров, с которых бронебойный или подкалиберный снаряд не то что самоходку, и «Тигра» возьмет! А фрицы, не для ушей замполита будет сказано, с этого самого километра со своей оптикой да восьмьюдесятью восемью мэмэ «саушку» их на раз сожгут. Какое там «пробитие» – если в борт, так и вовсе насквозь прошьет! Семьдесят один калибр – не шутка, сталкивались, знаете ли!

Воевал бы лейтенант на «соточке» – другой разговор, с ее пушкой никакая крупновская броня не поспорит, а так... если только в борт. И ведь удобно стоит, гадина, прямо подставляется. Еще чуть повернет – и точно бортом станет! Или не повернет? Каламышев с тревогой наблюдал за экономными маневрами немецкого «панцерягера», задним ходом заползающего в кусты. «Градусов двадцать до перпендикуляра осталось. Попробовать, что ли? Рискнуть? И ведь не уйдешь потом, если что – открытое место, все как на ладони! Эх, жаль для подкалиберного далековато, придется болванкой бить...»

«Рискнуть!» – решил лейтенант спустя мгновение. Принятое решение прибавило уверенности, хотя уголек сомнения в его душе окончательно и не угас: по сути, у них будет только один выстрел. На второй может просто не хватить времени. Особенно если немецкий наводчик к тому времени уже вычислит их позицию.

Каламышев спустился в боевое отделение и, подключившись к ТПУ, негромко, словно его мог услышать еще кто-то, кроме экипажа родной «СУ-85», скомандовал заряжающему:

– Бронебойным, без колпачка, заряжай!

Наводчик – единственный, кто со своего места видел практически то же самое, что и он сам, – бросил на командира быстрый взгляд и принял обратно к прицелу. Он тоже все

прекрасно понимал: второго выстрела может не быть. И зависит это, в частности, и от него самого.

– Леха, – теперь лейтенант обращался к мехводу, – как шмальнем – врубай вторую и рывком вперед на двадцать метров. Самоходка там, так что тормознешь с поворотом влево. И постарайся нас в борт ей поставить. Дальше – по обстановке, сам поймешь, не маленький. Все, заводись...

Слева лязгнул опускаемый на лоток снаряд. Заряжающий («затыкающий» на танкистском сленге) привычным движением отправил унитарный выстрел в камору и с негромким клацаньем закрыл замок. И, не дожидаясь приказа, потянул из укладки новый выстрел: похоже, он уже тоже понял, что грядет нечто не совсем обычное. Настолько, что можно позволить дымящейся стреляной гильзе просто упасть на пол боевой рубки (брезентовый гильзоулавливатель давным-давно прогорел, прорвался и был выброшен). Пороховые газы? Да хрен с ними, зарядить бы поскорей, гильзу и потом можно выбросить. Если живыми останемся.

– Командир, в прицеле, – не отрываясь от обрезиненного окуляра, доложил наводчик.

Последнее слово почти потонуло в грохоте заработавшего дизеля, однако Каламышев и так все прекрасно понял. И скомандовал, адресуя приказ не то экипажу, не то самому себе:

– Огонь!

В наушниках шлемофона негромко щелкнуло, и тут же, дублируя защищающий барабанные перепонки звук, оглушительно ахнула 85-мм пушка. Инстинктивно затаив дыхание, лейтенант мысленно отсчитывал мгновения. Не то до попадания, не то собственной жизни.

Они попали. Немного выше, чем хотелось бы, почти под самый край рубки, но попали. Стальная болванка, выбросив сноп искр, ударила в броню, сметая с нее тонкую корочку циммерита и остатки свисающей с крыши масксети, и... не пробила, ушла рикошетом вверх. Конечно, оставался еще маленький шанс на вторичные осколки, однако всерьез Каламышев надеяться на них не стал бы. Броня на «ягде» вязкая, сколов, да еще и на таком расстоянии, дает немного. Почти совсем не дает. Значит, все-таки вторая попытка...

Советская самоходка, сминая кусты, рванула вперед. Вынеслась на открытое место и, чуть подвернув влево, резко затормозила. Одновременно отработавший в ствол следующий выстрел заряжающий-затыкающий. Все заняло лишь десяток секунд, но эти же самые секунды были и у немецких танкистов.

– Огонь!!! – заорал лейтенант, вдавливая кнопку электроспуска и понимая, что ничего уже не выйдет. «Ягдпантера» начала разворот, нащупывая стволом своего несостоявшегося убийцу. Выстрел! Промых... Вражеская самоходка разворачивалась быстрее, чем ожидалось, – немецкий мехвод тоже все прекрасно понимал и не щадил фрикционов.

Могучий откат швырнул казенник назад, курящаяся кисловатым пороховым дымом гильза, звякнув о край лотка, полетела куда-то под стену МТО. Привычно увернувшийся от массивной железки заряжающий «с локтя» подал в ствол еще один выстрел. И в этот момент, даже не окончив разворота, выстрелила «Ягдпантера». Не столько чтоб попасть, сколько просто наудачу, до которой не хватило всего нескольких градусов. Болванка прошла впритирку к левому борту, оставила на уральской броне продольную царапину и, кувыряясь, улетела прочь.

– Леха!!! Ходу!!!

Впрочем, Каламышев мог бы и не кричать – не умеет механик-водитель самостоятельно оценивать обстановку, этого боя никогда б не было. Их просто сожгли бы еще в прошлом году. А так их спалят только сейчас, в конце августа предпобедного сорок четвертого.

«Саушка» свирепо взрыкнула мотором и рывком тронулась, уходя из прицела вражеского наводчика и пытаясь успеть по короткой дуге вновь войти в борт. Понятно, что фрицы этого ждали – пока она маневрировала, немецкий истребитель танков просто разворачивался на месте, загребая одной гусеницей и отматывая назад другую. И к тому моменту, когда лобо-

вая проекция «Ягдпантеры» легла в перекрестие прицела ТШ-15 и командирской панорамы ТПК-5, точно такая же проекция советской САУ оказалась в немецком прицеле Sfl.Z.F.5 и сдвоенном командирском приборе SF14Z. Самоходные установки двух воюющих армий застыли лоб в лоб в километре друг от друга.

Лейтенант Каламышев не знал, отчего задержал палец на спуске – шансов подбить «ягда» теперь почти не было, разве что случайно, но и не выстрелить было бы глупо. Непростительно глупо – мало ли какие чудеса на войне бывают?

Но еще более странным было то, что и имевший куда больше шансов на победу немецкий командир тоже не стрелял, тоже чего-то ждал. Они оба чего-то ждали, а вместе с ними и еще семь человек, трое в советской самоходке и четверо – в немецкой. Может быть, они просто не хотели умирать и ждали жизни, подсознательно оттягивая тот момент, когда придет ее извечный оппонент – смерть? Может, и так, но дождались они совсем другого...

В воздухе коротко прошелестело (впрочем, сквозь броню и наушники шлемофонов танкисты этого звука слышать, конечно, не могли), и прилетевший со стороны катящегося на запад фронта случайный снаряд раскатисто рванул почти на середине расстояния между ними.

Доведенный до автоматизма боевой навык важен на любой войне. Чаще всего именно он позволяет выжить в молниеносном встречном бою или такой вот, как сейчас, танковой дуэли. Чаще всего – но, увы, не в этот раз...

Два командира – один двадцатилетний, другой на восемь лет старше – выстрелили одновременно и чисто автоматически. Два ударника одновременно накололи капсулы-детонаторы на латунных донцах артиллерийских выстрелов, жерла двух орудий одновременно окутались облаками раскаленных пороховых газов, прошедшие нарезы ствола снаряды одновременно ввинтились, опережая звук, в прозрачный утренний воздух...

Стальная болванка калибра «восемь-восемь» вошла чуть выше люка механика-водителя и, разорвав пополам тело наводчика, врезалась в боеукладку. Мехвод Леша погиб долей секунды раньше – отколовшиеся при ударе крохотные кусочки брони пробili шлемофон и попали ему в голову. Лейтенант Каламышев и заряжающий – мгновением позже, когда сдетонировавший боекомплект разворотил и разбросал по израненной гусеницами земле боевую рубку. Хлынувший из лопнувших баков горящий соляр довершил короткие похороны.

И в эти же самые мгновения погиб и экипаж немецкой САУ. По иронии судьбы и в полном соответствии с помянутым лейтенантом военным чудом ответная болванка пробила лобовую броню «Ягдпантеры» в единственном уязвимом месте. Проскользнув между стомиллиметровой маской пушки и ограждающим орудийную нишу бортиком, она прошла под станиной орудия и, срикошетировав от днища, завершила короткий полет среди уложенных на стеллажах вдоль борта осколочно-фугасных выстрелов.

Взрывная волна раскроила по сварным швам корпус и выбила крышу боевой рубки, отбросив многотонный броневой лист почти на три десятка метров. То небольшое, что осталось от экипажа, когда догорело разлившееся топливо, вполне поместилось бы в спичечный коробок...

Глава 2

– Леха, назад!!! – Иван вынырнул из огненного шара взрыва, бывшего мгновение назад частью его жизни, с криком боли, гнева и ярости. Он понимал, что опоздал, что снаряд «Ягд-пантеры» уже врезался в броню «сушки», и спасения от концентрированной смерти, облаченной в крупшовскую сталь, нет.

– Ваня, что с тобой? – просунулась в дверь комнаты растрепанная со сна голова младшей сестренки. Девушка отчаянно зевала и терла кулаком слипающиеся глаза. – Кричишь, а-ах, – зевнула она, – как будто тебя живьем поджаривают.

– Угу, поджарили уже, – мрачно согласился с ней Иван. – Спать иди!

Он проследил за тем, как закрылась дверь, вытер тыльной стороной ладони залитое потом лицо и решительно поднялся. Сна как не бывало – и это несмотря на то что домой он появился только под утро, а сейчас... ну, да – полдевятого. Да, посидели вчера с Паном изрядно! Сначала в любимых «Трех Конях», потом в спортбаре на Таганке, потом, если он все правильно помнил, играли на бильярде где-то на Фрунзенской набережной, потом... хм, а что было потом? Вроде бы они хотели направиться в караоке-бар на дебаркадер на Москва-реке? Или нет – завалиться с девчонками в какой-то подмосковный пансионат? Стоп! Какие девчонки?! Разве они с Димоном не вдвоем были?!

М-дя, пить надо меньше, Иван Викторович, – вот самая главная мораль! Банальная, конечно, но до боли правильная. И тогда по ночам с немецкими самоходками драться не придется. Хотя, надо признать, офигенно реальный сон был! До самых мельчайших подробностей. И сгорел он тоже... ну очень реально! Бр-р! Страшная смерть – не приведи Господи на самом деле так погибнуть. Впрочем, нынче это несложно – достаточно попасть под горячую (надо же, экий каламбурчик получился!) руку какого-нибудь мага, решившего побаловаться с огненными заклинаниями. Или, что еще проще, сесть на борт старенького лайнера, перевозящего пассажиров в Турцию или на Кипр, и благополучно шмякнуться в бескрайних степях Украины – эффект будет тот же, только за свои деньги!..

Эх, плюнуть бы на все и махнуть... а куда, собственно, махнешь? Особенно с его зарплатой, что и так стыдно домой приносить! И ничего не поделаешь – теперь в цене все больше юнцы, умеющие швыряться огненными шарами, а не специалисты старой доброй спецназовской выучки!

А ведь, если разобраться, для любого нанимателя они гораздо выгоднее – им не требуется накапливать пресловутую «силу», не нужно тратить время на заумные ритуалы с сожжением «белого волоска из правой ягодицы священной бангладешской храмовой макаки, выдернутого нагой девственницей в полночь с четверга на пятницу в час, когда Медведица сожрала Сатурн», или махать супер-пупер волшебным амулетом царя Ашоки! Но разве *теперь* это хоть кому-то объяснишь?!

А какие ребята у него в группе были! Профессионалы высочайшего уровня; такие, что и Луну с небес достанут, и демона из-под земли, да еще и разговарят его так, что он все свои нечистые секреты выложит как миленький!

Так нет же, проще было разогнать их всех, а на службу новоявленных «гаррипоттеров» набрать! Вот и нажрались после, когда все эти чудодеи в Ордена и Гильдии пообъединялись и с законными властями с позиции силы стали разговаривать – это уже в самый разгар Эпидемии было. Много тогда кровушки пролилось, ох, много! Сейчас только-только в себя приходиться стали.

Нет, ну почему у нас в Расее все всегда так похабно получается? Даже чудеса рука об руку со смертью и одновременно с глупостью ходят?! На Западе-то горячку, чай, не пороли – когда Эпидемия только вспыхнула, сразу же всех новоявленных Мерлинов под колпак загнали

– и пожалте: «ты нужен дяде Сэму»! Изволь поработать на благо страны, а уж потом будешь свинец в золото превращать. Не желаешь? А пулю из «М-16» слабо остановить? Молодец! А десяток? Вот то-то и оно! Посему сиди на заднице и жди команды – когда скажут прыгать, то сначала сделаешь, а только потом спросишь, как высоко и можно ли крылья расправить, понял? Что тут скажешь, молодцы, можно только позавидовать!..

Вот и сидит теперь бывший блестящий офицер, кавалер и прочая, прочая, прочая охранником в районной больничке – объясняет таким же, как он сам, неудачникам, не имеющим средств на поход к дипломированному чародею-лекарю, где расположена регистратура. И это ему еще, можно сказать, повезло: многие из бывших коллег и того не имеют. Это раньше можно было инструктором в какую-нибудь школу рукопашки пристроиться и вполне сносно зарабатывать, а сейчас все больше «Школы Истинного Кристалла» или «Академии серо-буро-малиновой магии» в моде. Желающих рвать жилы немного – гораздо проще тупо «морщить ум», сидя внутри начерченной пентаграммы и призывая «высшие силы» ниспослать на тебя благодать.

Иван опомнился от своих невеселых мыслей, когда окурок дешевой сигареты обжег губы. Он стоял на балконе и отрешенно смотрел с высоты тринадцатого этажа на просыпающийся город.

Радовало одно: сегодня можно спокойно отдыхать и никуда не торопиться – на смену Вакулову нужно было выходить только завтра. А в его нынешнем состоянии «постпохмельного» синдрома это был весьма немаловажный фактор: есть время спокойно «принять ванну, выпить чашечку кофе» и – Иван похвалил себя за предусмотрительность – оттянуться пивком. Даже будучи не совсем в кондиции, он тем не менее ухитрился где-то прихватить банку «Бидбургера», сейчас мирно охлаждающуюся в холодильнике.

Вакулов щелчком отправил окурок в свободный полет через парапет и, поежившись под порывом легкого ветерка, направился в туалет...

Яичница весело скворчала на сковородке, когда раздался звонок в дверь. Иван убавил огонь и поплелся открывать, поминая на ходу тихим, незлым, ласковым словом неизвестного гостя. За тамбурной дверью, отделявшей отсек на три квартиры от площадки перед лифтом, обнаружился довольно лыбящийся Пан.

– Привет, Ваня! – завопил он, тряся руку приятеля.

– Что орешь-то? – недовольно поморщился Вакулов. – И так башка трещит, а тут ты еще...

– А у них с собой было, – еще больше разулыбался Димка и продемонстрировал полиэтиленовый пакет с чем-то весьма характерно позвякивающим. – Сейчас подлечимся и вперед: нас ждут великие дела!

– Ага, щас, разбежался! – возмутился Вакулов. – Делать мне больше нефиг, как опять с тобой с самого утра надираться. Не знаю, как ты, а я сейчас планировал позавтракать, прибраться и отбыть по кое-каким своим делам.

Пан дурашливо вытянул губы трубочкой и плаксиво загундел:

– Не, ну это не пойдет! Я, понимаешь, мчусь к нему, переживаю, думаю о том, что друг должен быть спасен, – он опять продемонстрировал Ивану пакет, – с трудом ловлю такси... и что?! Меня самым нахальным образом выпроваживают, не позволяя даже войти! Признайся честно, у тебя там что, кто-то из тех близняшек? – Димка заинтересованно уставился на Вакулова.

– Каких еще близняшек? – растерялся Иван.

– Как, ты не помнишь?! – притворно ужаснулся Пан. – А кто вчера устроил безобразную драку и отбил у клубной группы их подтанцовку?

– Трепло, – неуверенно сказал Иван: события вчерашней гулянки по-прежнему оставались для него весьма загадочными. – Ладно, заходи, а то у меня там яичница сгорит.

– Завтрак холостяка? – поинтересовался Пан, опять жизнерадостно улыбаясь, и мгновенно проскочил в холл. – А Катюха-то что, совсем о тебе не заботится? Могла бы и приготовить для любимого брата что-нибудь съедобное.

– Угомонись. – Иван ткнул друга кулаком в спину. – Я уже и так начинаю жалеть, что впустил тебя. Так что не усугубляй.

– Молчу-молчу, – заржал Димка, проходя в прихожую. – Привет, красавица! – отсалютовал он выглянувшей на шум Кате.

– Привет, – проворчала та и демонстративно хлопнула дверью в комнату.

– Я же просил! – досадливо поморщился Вакулов. – Двигай на кухню и не шуми...

Холодильник пришлось подчистить основательно – Димка любил покушать. Иван, решительно отвергнув предложение «пропустить по маленькой», ограничился яичницей и кружкой кофе. Мир после завтрака стал более привлекательным, несмотря на все такое же серое, затянутое облаками небо и мелкий, противный дождик.

Приятель вышел на балкон и, облокотившись на перила, умиротворенно закурили. Говорить особо не хотелось.

– А что там на «коробке» за пепелище? – лениво поинтересовался Димка спустя пару минут и показал на уродливое черное пятно посредине хоккейной площадки, расположенной во дворе. С высоты все выглядело так, будто кто-то решил ночью погреться и запалил основательный такой костерок, однако запаха гари в воздухе не чувствовалось.

Иван длинно сплюнул. Желание отвечать отсутствовало абсолютно, но он знал, что Пан от него все равно не отвяжется.

– Ведьму жгли, – нехотя буркнул Вакулов. – Неделю уже как.

Димка побледнел:

– Шутишь?!

– Да какие там шутки, – дернул щекой Вакулов. – Говорят, поймали на незаконной практике – ну и...

– ...!!! – потрясенно выдохнул Пан. – Ну и дела тут у вас творятся!

– Где это «у вас»? – заинтересовался Иван. – А ты, выходит, не «наш»? И с кем тогда, позвольте полюбопытствовать, имею честь разговаривать?!

Димка покраснел:

– Да ладно тебе! Ну, в самом деле. Я последние три года за бугром работал – вот и отвык от таких вот кошмаров.

– Ага, – взъерился Вакулов, – так я тебе и поверил: а «чистые недели»⁵ ты, конечно, не наблюдал за своим «бугром»? Или «мюнхенских факельщиков»?⁶ Не держи меня за идиота – на Западе дела похлеще нашего творились. Вопрос в том, что там буржуины быстрее перебежились и затихли, а у нас, как обычно, слишком долго запрягали и только сейчас в раж вошли. А теперь эти заморские чистюли на нас брезгливо своими холеными пальчиками показывают и делают вид, что у них всю дорогу тишь да благодать была! Нет, врешь: про «псов веры» мы слышаны! Да и про всяких разных других тоже. Напомнить?!

Пан поднял руки и покаянно улыбнулся:

– Все, сдаюсь! Успокойся, Иван, я ж не нарочно – просто на самом деле слегка отвык от *такого*!

⁵ «Чистые недели» – проводились в европейских странах в разгар Эпидемии. Определялись недели, во время которых занятия любым волшебством запрещались, а нарушители уничтожались на месте без суда.

⁶ «Мюнхенские факельщики» – экстремистское движение, зародившееся в Германии в городе Мюнхен и распространившее впоследствии свою деятельность по всей Европе. Члены этой международной организации призывали вспомнить о методах средневековой инквизиции и «очистить» человечество от магов. Излюбленным методом МФ было сожжение адепта волшебства вместе со всей его семьей. Людей забрасывали горящими факелами (впрочем, иногда боевики из МФ не гнушались и бутылками с бензином, и даже реактивными огнеметами).

– Отвык он! – пробурчал, успокаиваясь, Вакулов. – Болтает всякую ерунду.

– Да ладно тебе ругаться, – засмеялась незаметно подошедшая сестра. – Раскричался, словно тебя самого опять сожгли.

– А что, Ивана тоже хотели сжечь?! – ужаснулся Пан.

– Да слушай ты ее больше, – притворно возмутился Вакулов. – Просто сон дурацкий приснился: будто я танкист – или самоходчик? – во время войны и с немецкой «Пантерой» лоб в лоб схлестнулся. Главное, отчетливо все так! Словно я на самом деле в том танке сижу. А после... – Иван поежился и закончил едва слышно: – Горю.

– Что это с тобой, Дим? – удивилась Катя.

Вакулов обернулся: Пан смотрел на него остановившимся, тяжелым взглядом, в котором полыхала лютая ненависть. Иван даже слегка подался назад, становясь по инерции в защитную стойку – так враждебно выглядел сейчас приятель.

Но в следующую секунду Пан моргнул, опять превращаясь в прежнего весельчака-балагура.

– Да ерунда это все, просто Ванька таких ужасов понарасказывал, что я как представил, так и ошалел! – Димка весело засмеялся, но Вакулов совершенно точно различил в его словах фальшь. Недоговаривал что-то старый друг, ох, недоговаривал! Впрочем, Иван ведь тоже, гм, не выворачивал перед ним душу наизнанку, правда?

– Да, Ваня, – хлопнула себя по лбу Катя, – к тебе ведь позавчера приходили.

– Кто? – насторожился Вакулов: события *того* вечера не располагали к радости от неожиданных визитов к нему домой. А он никого не ждал в тот день – уж это-то Иван помнил совершенно точно.

– Да откуда ж я знаю? – удивилась сестра. – Совсем поздно уже было: полпервого ночи, наверное. Они по домофону позвонили и спросили тебя. Я ответила, что его, мол, нет – что передать, кто приходил? А там засмеялись как-то нехорошо и сказали, что еще зайдут. Бр-р! Гадкий какой-то смех был, фу! И по голосам я никого не узнала. Поняла только, что их то ли двое, то ли трое было – и все. Хотя, – Катя задумалась, – может, я и ошибаюсь. Ну и знакомые у тебя, Ваньчик...

Вакулов задумался. Если бы по его душу пришли патрульные, то вряд ли они стали бы звонить по домофону: разнесли бы дверь в квартиру и постарались произвести захват – лишних доказательств его вины им не требовалось, они и так все сами видели.

Коллеги *того* мага? Хм, возможно, но откуда им знать его домашний адрес? Встречу он назначал через проверенного посредника, бармен или хозяин кабака на сотрудничество с волшебниками никогда бы не пошли – не та публика. Хотя... если на них надавили всерьез... Возможно, но и маги бы не деликатничали – все-таки он их приятеля *окончательно* уgomонил.

Да, задачка. Ладно, как говорится, будем решать проблемы по мере их полного созревания! А сейчас и других дел полно: как это ни печально, но надо отделаться от Пана, съездить к ребятам и проверить, как у них там обстоят дела с новым заказом, перетереть кое-какие мелкие вопросы с местными бандитами...

Ох, да и уколиться же мне сейчас надо! И срочно!!! Срочно...

Из подъезда они с Димкой вышли вместе. Пан на удивление спокойно отреагировал на неуклюжую попытку Ивана распрощаться с ним. Вакулову даже показалось, что его приятель воспринял это с облегчением – так, будто и ему надо было куда-то срочно уйти, но придумать повод для этого он никак не мог. Он лишь достаточно дежурно предложил подвезти, но Иван отказался – светить адрес, куда он намеревался отправиться, было нежелательно.

Дальше их дороги разошлись – Пан прыгнул в сияющий «Лексус» и, лихо развернувшись на крохотном пятачке перед домом, рванул в направлении ближайшего выезда на шоссе, пообещав на прощание звякнуть вечерком.

Иван же проводил друга чуточку завистливым взглядом: его-то старенькая «четверка» мирно ржавела на стоянке – лишних денег на бензин у Вакулова не было, и машина эксплуатировалась лишь в исключительных случаях. Поэтому дорога для него сейчас пролегла мимо длинного ряда «ракушек» к автобусной остановке, а дальше на метро.

У открытых ворот одного из мини-гаражей, как обычно, возился со своей «Волгой» Макс Шипулин. Вакулов, ценивший соседа за флегматичное добродушие и абсолютную ненавязчивость, время от времени выбирался с ним прогуляться вечером по расположенному неподалеку лесопарку или попить пивка. Правда, сейчас Максим пребывал в крайне возбужденном состоянии и негромко – но весьма красочно – описывал то, что он делает с «нехорошими» личностями, что изуродовали его «ласточку».

Иван подошел поближе и невольно ахнул – ворота в «ракушку» вовсе не были открыты – неведомые хулиганы их попросту внесли внутрь (разворотив до состояния металлических лохмотьев), здорово повредив при этом и капот машины. Вакулов только присвистнул, представив себе, какой силищей должны были обладать те, кто это сделал.

– Салют, Ваня! – вскричал расстроенный донельзя Макс, заметив Вакулова. – Нет, ты глянь только, что за беда у меня приключилась! Поубивал бы тварей, чес-слово! И ладно бы только гараж раскурочили, так они еще и «волжанку» помяли, краску содрали, фару разбили, радиатор... а-а! – Он безнадежно махнул рукой и отвернулся, скорбно понурившись.

– Колдуны, что ли, «потрудились»? – поинтересовался Иван.

– Да в том-то и дело, что нет! – вскинулся Шипулин. – Участковый приходил – говорит, ни малейшего остаточного следа чародейства нету.

– Да ладно, – не поверил Вакулов, – он небось через стандартный амулет смотрел? Знаю я их рухлядь – возле нее можно зомбака из могилы поднимать, а на шкале тишь да благодать будет. Обратись лучше в частную контору – у них оснащение то, что надо.

– Издеваешься?! – взвился Макс. – Ты расценки в этих агентствах видел?! Это же натуральный номер телефона, причем сотового, и не прямого!

Иван сконфузился:

– Да, сорри, это я действительно что-то не то сказал. Не сообразил. Каюсь.

– «Не сообразил»! – передразнил его Макс. – Когда пара лишних миллионов появится, поделиться не забудь – вот тогда я в любую частную фирму буду двери пинком открывать. Ну а пока извини: придется самому что-то придумывать! – Шипулин демонстративно загремел перекрученными железками.

Иван, виновато вздохнув, попрощался и побрел к остановке. День начинался весело, и поводов для раздумий уже было предостаточно.

*...Медовый месяц пролетел, пришлось с женой проститься,
Вновь Джонса служба позвала,
афганская граница...
Редьярд Киплинг (перевод Я. Берлина)*

*Афганистан, провинция Урузган,
октябрь 2001 года*

...Сегодня лейтенант Томас Рэнгтон имел все основания гордиться собой. Нынешний вылет прошел на удивление удачно: возвращаясь на базу, отбомбившийся по цели «бородавочник»⁷ обнаружил ползущую по узкой горной дороге явно террористическую колонну – два пикапа, грузовик и автобус. Запросив разрешение на отклонение от курса и самостоятельные действия по наземной цели, он бросил штурмовик на крыло, разворачиваясь и заходя на атаку. Избавившийся от семитонной бомбовой нагрузки самолет шел легко, слушаясь руля, будто

⁷ «Бородавочник» («Уартхог») – жаргонное название американского штурмовика А-10А «Thunderbolt II».

крохотная спортивная «Сессна». А значит, сейчас повеселимся, благо на борту полный боекомплект к тридцатимиллиметровой пушке вкупе с парочкой неизрасходованных «Мэвериков»!..

Никакого сомнения в том, *кто* находится под ним, бравый воздушный ас не испытывал. Война с терроризмом у нас идет или как?! Все мирные обыватели, суть – туземцы, сидят сейчас в этом, как там его? в Кубуле, что ли? – и спокойно смотрят очередной выпуск Си-эн-эн, популярно (а иначе-то ведь и не поймут, если не популярно) рассказывающий им о необходимости проведения антитеррористической операции против кровавой «Аль-Каиды». А кто не сидит и не смотрит, шляясь вместо этого по горным дорогам, – те, вне всякого сомнения, и есть враги. Террористы. Сподвижники бен Ладена, скрытно перебазирующиеся на новое место, пока что не засеченные ни разведспутниками, ни круглосуточно бороздящими пакистанское небо «Аваксами» и «Хокаями».

Рэнгтон накрыл колонну с первого же захода: все вышло столь же гладко, словно на компьютерном симуляторе. Убрать газ, выровнять машину, окинуть взглядом выводимые на лобовое стекло данные ПНС – прицельно-навигационной системы, отщелкнуть в сторону предохранительную скобу, вдавить в рукоять неподатливую клавишу... привычные, давно ставшие автоматизмом действия...

Корпус «бородавочника» отозвался на приказ пилота крупной дрожью: семиствольная роторная тридцатимиллиметровка – жуткая штука! Размерами с легковой автомобиль, эта пушечка способна продырявить снарядами с сердечником из обедненного урана практически любой современный танк – что уж для него допотопные афганские автомашины? Порвет в клочья, иначе и не скажешь!

Порвала, конечно. Рэнгтон сделал второй заход, убеждаясь, что штурмовать больше нечего и некого. Все наземные цели превратились в раскиданные по дороге обломки, чадящие смрадным бензиновым дымом. Молодец, лейтенант, грамотно проштурмовал, полковник Хардман остался бы доволен!..

Выпустив предпоследний «Мэверик» по вставшему поперек дороги автобусу, и без того почти что перерубленному напополам пушечной очередью, Томас лег на обратный курс.

Славно повеселились будет, о чем порассказать на базе! Да и не только на базе – дома он тоже обязатель... Самолет ощутимо трянуло, заваливая на левый борт. Прощально мигнув, погас экран радара, стрелки всех приборов – вообще всех! – дружно завалились набок. Неведомая сила стерла с лобового стекла проекцию ПНС, забила уши ватными тампонами – лишь мгновением спустя пилот понял, что это остановились оба двигателя. Просто взяли и остановились: сразу, без помпажа, без остаточной ротации лопаток, не вследствие попадания ракеты или зенитного снаряда!

Лейтенант Рэнгтон судорожно схватился за непривычно мертвый штурвал. Дернул раз, другой, рванул на себя, попытался отвернуть самолет в сторону...

Однако штурмовик, обычно такой послушный, готовый исполнить любую волю пилота, защитить его бронеконструкцией или стереть в пыль любого врага, на сей раз проигнорировал волю хозяина. Пятнадцатитонная машина, не слишком-то приспособленная для свободного планирования, начала сваливаться в крутое пике, и рука Томаса уже обхватила черно-желтую скобу eject-системы, когда ослепительная вспышка справа по борту заставила его замереть. В следующую секунду исполинская сила швырнула штурмовик в сторону, снося его с небосклона и впечатывая в близлежащую гору.

Последним, что успел осознать в своей далеко не безгрешной жизни лейтенант ВВС США Томас Райан Рэнгтон, вдавленный в кресло чудовищной боковой перегрузкой, был скользнувший мимо кабины сверкающий болид. Нечто, запросто отбросив в сторону его самолет, пронеслось мимо, скрывшись за горным отрогом. Сопровождавшего падение загадочного небес-

ного тела грохота он уже не расслышал, вместе со своим самолетом обращаясь в огненный шар из сдетонировавшего от жуткого удара топлива и заряда последней нерастроченной ракеты...

Переполнявшая его несколько секунд назад гордость за сегодняшний боевой вылет оказалась несколько преждевременной...

...Десятилетний Али Назраи, единственный уцелевший из расстрелянной колонны, с трудом приподнял окровавленную голову. Ему повезло, Всевышний оказался добр к нему, и ударная волна последнего взрыва выбросила мальчика из пылающего автобуса. Все остальные – мама, папа, брат и сестры – погибли. Как и другие пассажиры битком набитого автобуса.

Над головой вновь загрохотало. Тяжелый, рокочущий гул нарастал с каждой секундой, и мальчик инстинктивно сжался в комочек, испуганно глядя в небо. Неужели этот ад еще не закончился и самолет вернулся?! Неужели ему мало и ревущий демон решил забрать с собой и маленького Али?

Но это оказалось нечто совсем иное. В небе ослепительно сверкнуло и еще раз загрохотало, да так, что под мальчиком дрогнула земля, а с ограждавших дорогу скал потекли ручейки пыли и мелких камушков. Невидимая рука подхватила кажущийся совсем маленьким и нестрашным самолет и швырнула в сторону, с размаху ударив о землю. Небо пересекла сверкающая полоса, исчезнувшая за ближайшей горой, однако Али она вовсе не интересовала. Мальчик, на глазах которого только что свершился поистине Высший Суд, глядел на прекрасное черно-рыжее облако, вспухшее на месте падения самолета-убийцы. Окровавленные губы ребенка шептали:

– Аллах-у-акбар...

Глава 3

...Вообще-то, Иван не собирался калечить этого придурка. Просто... ну сложилось так, что ли? Сначала к нему домotalись возле метро двое патрульных. Они долго рассматривали его документы, недоверчиво хмыкали и ехидно интересовались, сам ли он рисовал печати и штампы, и если да, то почему так недобросовестно сработал? Вакулов заученно молчал, прекрасно зная, что эта элементарная подколка направлена на то, чтобы он завелся и дал повод скучающим постовым отволочь его в отделение. А вот там уже события могли пойти по какому угодно сценарию: от тривиального мордобоя с выворачиванием карманов до «примерки» на него какого-нибудь «глухаря».

В любом случае следовало быть терпеливым. Тем более что, дойди дело до личного досмотра, Иван сторел бы синим пламенем: в потайном кармане рукава у него был припрятан десантный нож. Конечно, это был не тот клинок, что подвел черту под жизнью нахального мага, но и наличия у него, ныне штатского, оружия, каким снабжались обычно подразделения спецназа, стало бы для патрульных большущим подарком! Нет, Иван решительно не собирался давать повода для задержания, хотя внутри у него все бушевало.

«Попались бы вы мне, уроды, при другом раскладе», – с бессильной ненавистью думал Вакулов.

– Свободен, – сказал наконец старший патруля, и Иван, спрятав паспорт и военный билет в нагрудный карман, нырнул в полутьму подземного перехода.

В очереди за билетами ему пребольно наступил на ногу какой-то нахальный юнец в униформе орденского ученика. Подросток бесцеремонно распахивал угрюмо молчавших людей и лез к окошку кассира, не обращая ни на кого внимания.

– Вот зараза! – негромко бросил в сердцах сухонький старичок в потертой куртке. – Понахватаются гадости всякой у своих колдунов и в упор нас не видят, будто мы тараканы какие! – Дед огляделся по сторонам, ища поддержки, но стоявшие в очереди люди с показным равнодушием отводили глаза, делая вид, что не слышат его слов.

Вакулов, проклиная себя в душе за слабость, тоже отвернулся и уставился на красочный плакат на стене, переливающийся яркими красками, – испуганный комар улепетывал от ветвистой, кипенно-белой молнии: «Москитон – потому и не кусают! Теперь – в новом амулете».

Иван с горечью усмехнулся. Он вдруг отчетливо понял, что все они нынче до боли похожи на таких вот насекомых. Порхают себе, жужжат помаленьку, но твердо знают – хрупкое равновесие, сложившееся после принятия Резолюции, может разлететься вдребезги в любую секунду. И вот тогда снова придется бежать сломя голову от разящих молний самодовольных чародеев.

«А вот хрен вам! – с веселой злостью подумал вдруг Вакулов. – Мы еще потрепыхаемся! И в ответ на ваши фокусы всегда найдется добрая пуля. Да такая, что ни один хваленый щит не выдержит!»

В свое время Ивану довелось принимать участие в испытаниях оружия, способного преодолевать практически любую магическую защиту. Казалось бы, обычные с виду боеприпасы – не серебряные, не заговоренные, а прошивали выставленные и волшебниками, и колдунами барьеры так легко, словно это была обычная бумага. Вакулов не знал, в чем там был секрет, да, собственно, и не старался это выяснить – его вполне устраивал сам факт того, что на опьяневших в тот момент от безнаказанности чароплетов нашлась управа. Ух, и покрошили они тогда этих волшебничков, только прах по ветру успевал развеиваться!

Гораздо позднее Иван совершенно случайно познакомился с изобретателем этого оружия. Это был классический ученый из анекдотов: нескладный сутулый парнишка в роговых очках с толстенными стеклами. Он жил в каком-то своем, далеком от разума Ивана мире,

постоянно сыпал непонятными терминами, чертил заумные многоэтажные формулы и смотрел сквозь окружающих, словно перед ним было пустое место. Вакулов был искренне восхищен тем, что его непосредственный начальник, генерал... хм, лучше не поминать его... даже мысленно... сумел разглядеть в идеях этого недотепы жемчужное зерно гениальности. Вроде бы парню удалось как-то добиться того, что вокруг летящей пули создавалась некая «оболочка» то ли вакуума, то ли каких-то волн... Бог его знает! Когда этот фанатик от науки попытался объяснить суть вопроса Ивану, тот быстренько придумал себе неотложное дело и смылся подальше. А уж как улепетывали от щедедушного очкарика коллеги Вакулова по спецгруппе – бравые ребята, не боявшиеся никого и ничего!

Только вот погиб тот ученый по-глупому: умудрился выпросить разрешение сходить с группой в рейд, чтобы оценить в полевых условиях эффективность своего оружия, ну и... старая армейская мудрость «в бою первым всегда погибает наименее подготовленный» сработала на все сто...

Нет, конечно, они потом достали того колдуна и изрешетили его в клочья, но разве это могло воскресить хорошего человека?! Разве что воспользоваться услугами некроманта и *поднять*, но кому нужен ходячий безмозглый мертвяк вместо талантливого ученого?

Хорошо еще, что сохранились его записи и дневники, и в мастерских Отдела удалось наладить производство нового оружия. А после того как группу «успешно» разогнали, друзья Ивана скрытно вывели все изготовленные экземпляры вооружения и компакты с записанной на них технологией.

Правда, краем уха Вакулов слышал, что все эти «сверхпробивающие» способности были вроде не столько собственным изобретением покойного очкастого гения, сколько его грамотной доработкой неких «данных», полученных внешней разведкой от заокеанской резидентуры, но его роли это нисколько не умаляло...

Собственно, и нынешняя деятельность Вакулова...

... – Але, ты че, чокнутый?! Пять минут уже ору ему, а он как столб стоит! – в действительность Вакулова вернул визгливый голос кассирши. Оказалось, его очередь давно уже подошла, и он бессмысленно пялится в искривленное недовольством женское лицо. Спихватившись, Иван торопливо сунул в окошечко мятые купюры, получил карточку на пять поездок, сдачу и пожелание пойти проспать. Виновато извинившись, Вакулов под смешки людей из очереди отошел в сторонку и прибрал деньги в кошелек. Уши горели, будто его застигли на чем-то неприличном, и Иван поспешил поскорее пройти через турникет и запрыгнуть в вагон поезда.

Когда Вакулов выбрался наружу, он с удовольствием отметил, что дождь наконец-то закончился. Слабое осеннее солнце робко проглядывало через стремительно несущиеся под напором ветра облака, давая малую толику тепла. Настроение, упавшее было, стремительно улучшалось – и именно в этот момент, по закону подлости, проезжавший на приличной скорости «мерин» обдал Ивана грязью с ног до головы и, пыхнув на прощание сизым дымом из выхлопной трубы, величаво удалился.

– Да чтобы ты сдох, тварюга! – от всей души пожелал Иван неизвестному мерзавцу и, матерясь про себя, принялся вытирать лицо носовым платком. Какая-то незнакомая девушка остановилась возле него. Она, мило краснея, достала из своей сумочки пачку дезинфицирующих салфеток и протянула ее Вакулову. Но даже это искреннее участие не смогло заставить Ивана примириться с окружающей действительностью. Девушку-то он, конечно, искренне поблагодарил (и даже записал ее телефончик), но вот смотрел теперь отставной капитан по сторонам с явным намерением начистить кому-нибудь «морду лица»!

И вскоре такая возможность представилась. Уже на подходе к заветному подвалу Вакулов натолкнулся на здорового стриженного «под ежик» верзилу, лениво пинающего ногами оборванного мальчишку. Пацан лежал на тротуаре и тщетно пытался закрыться, но амбал без

особого труда находил уязвимые места в его обороне и бил в них квадратным мыском огромного ботинка.

Иван даже не стал разбираться в том, кто прав, а кто виноват. Он просто мягко скользнул к верзиле и с удовольствием нанес ему боковой удар ногой в живот, а после, когда парень согнулся пополам, добавил ребром ладони по мощной шее.

Бугай свалился на асфальт как подкошенный. Картина поменялась кардинально – теперь пинали уже его самого, пинали грамотно, со знанием дела, в разные интимные места, а он пытался закрыться.

Оборвыш, что послужил причиной стычки, тихо отполз в сторону, жалобно поскуливая, будто побитый щенок (в общем-то, таковым он и выглядел!). На Ивана, привычно контролирующего обстановку, в этот момент вдруг так *накатило*, что он ударил попытавшегося было подняться и кинуться на него здоровяка всего один раз, но *всерьез*. В смысле, как учили ТАМ и ТОГДА...

Амбал на мгновение застыл, судорожно пытаясь вдохнуть, а затем рухнул на тротуар бесформенной кучей, нелепо разбросав руки. Вакулов с запоздалым раскаянием понял, что как минимум пробил тому грудную клетку, страшным ударом заставив остановиться сердце. Хорошо еще, что рядом не наблюдалось ни одного зеваки (за исключением пацана, но его Иван в расчет не брал): как правило, они предпочитали появляться на месте происшествия уже *после того*, как все закончится, и риск пострадать самому будет сведен к нулю.

– Ты меня не видел, понял?! – страшно выдохнул Вакулов в зареванное лицо мальчишки, подбежав и наклонившись к нему. Парень робко кивнул, затравленно хлопая глазами и стараясь отодвинуться подальше от оказавшегося таким страшным спасителя.

Иван цепко огляделся. На улице по-прежнему не было видно ни одного ненужного свидетеля. Редкие машины, пролетающие по неширокой улице, даже не пытались притормозить – народ был ученый, и все прекрасно знали: остановишься – найдешь на свою ж...у кучу ненужных приключений!

Вакулов двинулся в сторону, прямо противоположную подвалу, решив сделать на всякий случай небольшой крюк, уверенным быстрым шагом занятого, но ни в коем случае *не убегающего* человека. Он решительно отбросил все мысли о происшедшем как можно дальше – сожалеть о сделанном Иван отучился уже давным-давно, а времени на трезвый анализ сейчас не было.

Проверять дело рук (и ног) своих он не собирался.

Не имело смысла.

Прошедший полный курс спецназовской подготовки бывший врач прекрасно знал, чем грозят противнику *подобные* удары.

Добраться до заветного подвала можно было несколькими маршрутами. Иван решил пройти мимо давешнего кабака. Конечно, Вакулов прекрасно знал, что поступает достаточно безрассудно, но не смог отказать себе в этом совсем не безопасном развлечении. Больно уж взвинчен он был сейчас, адреналин бурлил в крови, и хотелось совершить какое-нибудь безумство!

А с другой стороны, почему бы и нет? В лицо его те патрульные вряд ли успели рассмотреть, бармен ничего не скажет (или наврет с три короба: легавых в заведении *не любили* — и даже больше: общаться с ними было откровенно *западло*), маг... ну, тот вообще уже никому ничем не поможет! Кто еще оставался? Посетители? Нет, публика в кабак приходила такая, что мало чем уступала хозяевам в плане *доброжелательного* отношения к представителям правопорядка. Нет, возможно, там и могли оказаться стукачи, да даже наверняка были, но вот только под успокаивающую акцию патрульных они наверняка попали вместе со всеми, и, следовательно, сейчас им было явно не до исполнения своих обязанностей – в этом Иван как врач, а тем более военный – был уверен твердо!..

Посмеиваясь над своими умозаключениями, он дошагал до перекрестка, свернул за угол и... вот те на!!!

Улица перед ресторанчиком была оцеплена, перегорожена барьерами и запружена многочисленными машинами с эмблемами самых разных госструктур. Чтобы понять это, не требовались даже навыки Ивана – эмблемы на дверцах говорили сами за себя. Кого здесь только не было: и передвижные криминалистические лаборатории, и легковушки прокуратуры, и милиция, и... в общем, замучаешься перечислять! Чуть в сторонке покуривали представители Ордена, Гильдии и еще каких-то магоинститутов. Выглядели они слегка растерянными и обескураженными, словно столкнулись с чем-то таким, что не укладывалось в привычную картину мироздания. Иван не удержался и злорадно осклабился – приятно, мать вашу, наблюдать, как эти самоуверенные наглецы садятся в калошу! В изношенную и протекающую такую калошу!..

Естественно, что в изобилии были представлены и две обязательные в таких случаях категории граждан: любопытствующие и журналюги. Они, словно назойливая мошкара, роились возле барьеров оцепления и всячески пытались что-нибудь увидеть, услышать, подсмотреть. Сходство с вышеупомянутыми насекомыми усиливалось за счет неумолчного гула, как две капли воды похожего на жужжание – разве что громкость была поболее. Мухи, просто навозные мухи!..

Вакулов остановился. Несколько секунд он обдумывал дальнейшие действия, затем решительно двинулся вперед. Смешавшись с толпой, он пробился поближе к эпицентру событий и стал внимательно слушать, задавая иногда вопросы, направляющие разговор в нужное русло.

Картина стала вырисовываться прелюбопытная! Из досужей болтовни Ивану удалось выпить главное: оказывается, в тот самый вечер, а точнее – в ночь после него неизвестные перебили *всех*, кто оказался внутри злосчастного кабака! Выяснилось это на утро следующего дня – новая смена охраны пришла на работу, ну и...

Причем совершенно преступление было с такой жестокостью, что, как говорили те, кто побывал внутри, – даже самые подготовленные и выдавшие виды оперативники и медики вылетали на улицу пулей и долго блевали на чохлом газончике перед входом. Вездесущие бабульки, рассказывающие это, закатывали глаза и делали такие испуганные лица, будто сами наблюдали эту картину.

Сказать по правде, Иван не слишком в это поверил. Он с лихвой насмотрелся на всякие «страсти-мордасти» еще во времена Эпидемии и потому был твердо уверен, что его бывших коллег по спецслужбам также вряд ли возможно привести в ужас зрелищем мертвых тел. А то, что можно чем-то удивить циничных ребят в белых халатах, мог предположить разве что совсем уж далекий от специфики работы судебных медиков человек.

Нет, решительно, это были лишь досужие бредни обывателей!

Привычно раскладывая полученную информацию по невидимым полочкам внутри своей головы, Вакулов отметил для себя, что, скорее всего, дело обстояло совсем иначе. Видимо, в ресторане погиб кто-то очень и очень важный, и поэтому дело вызвало такой резонанс. То, что это был не маг, понятно: Иван грохнул его вечером, а не ночью, да и никого другого он вроде бы – ха! – не трогал.

Стоп! А не те ли это патрульные, что ворвались тогда в кабак, решили перебить случайных свидетелей и под горячую руку расправились с какой-то шишкой?!

Да ну, нет, вряд ли: самый натуральный бред! Зачем бы им это понадобилось? Конечно, поведение их было несколько странным – отсутствовал четвертый, не было оперативной машины у входа, но все это было загадочным только на первый взгляд. А вот на второй два плюс два складывались очень легко и незатейливо: просто те ребятки были у мага *на содержании* и оказывали ему охранные услуги в свободное от службы время – кто ж откажется от под-

держки натренированных боевых чародеев? А по каким-то причинам подкупить волшебнику удалось только троих, а не две полные боевые пары. Вот и все...

И вряд ли бы вояки стали мстить за своего нанимателя *после* его гибели – это они в первую секунду по привычке ввязались в заварушку, но, как не без оснований думал Вакулов, разобравшись в ситуации, быстренько бы смылись восвояси.

Гм, но кто же тогда устроил эту бойню? Не хозяин же кабака!

Иван чувствовал, что в своих рассуждениях он упустил некий момент, что мог бы существенно помочь в разгадке тайны этого происшествия, но вот какой?

Все-таки информации у него было слишком мало, да и за достоверность того, что он уже узнал, Вакулов бы не поручился – уж ему-то было прекрасно известно, как запускаются всевозможные сплетни и слухи, призванные окружить завесой тайны истинное положение дел.

Именно поэтому он решил пока не заморачиваться и отправиться прежней дорогой в подвал. А уже на месте пообщаться с ребятами – вдруг они в курсе и смогут просветить его.

Тем более что вторая часть задуманных на сегодня дел полетела ко всем чертям: Андрюха Ледокол – один из лидеров местной группировки, с которым Иван собирался порешать кое-какие вопросы, – оказался в числе тех, кого вывезли в, хм, не совсем презентабельном виде из ресторана. Выяснилось это случайно: Вакулов подслушал разговор двух ментов, что искренне сокрушались по поводу нелепой кончины авторитета и опасались возможной войны бандитских группировок из-за его «наследства».

Позавчера вечером Иван не успел переговорить с Ледоколом из-за встречи с магом, а сегодня... сегодня разговаривать было уже не с кем. Когда еще теперь в бандитской среде решат, кто заменит прежнего лидера, и новый смотрящий, приняв все дела, дойдет до вопросов по скромному отставнику?! Хотя, может, это было и к лучшему – неумеренные аппетиты ныне покойного бандита в последнее время стали не на шутку раздражать, и кое-кто из ребят всерьез предлагал «стереть» нахала. Самое смешное, ни для кого из них труда бы это не составило...

С некоторым трудом Иван выбрался из толпы и, прикурив, двинулся не спеша вниз по улице.

*Пакистан, база ВВС США под Пешаваром,
октябрь 2001 года*

...Сказать, что полковник Хардман, оперативный офицер штурмового крыла авиабазы, был взбешен, – значило бы не сказать ничего. О нет, он вовсе не был взбешен. Отнюдь. Более того, он не был даже разъярен.

Полковник Хардман рвал и метал.

Мало того, что этот *придурак*, капитан Свитстоун, разрешил своему ведомому отклониться от курса и заняться вольной охотой, так он еще и не обеспечил второму *придулку* никакого прикрытия!

Нет, «бородавочник», конечно, лучший в мире штурмовик, способный долететь домой на одном двигателе и с наполовину отрубленным хвостом, но... всему же есть предел! Хардман, в отличие от немалого процента сверстников, вместе с ним окончивших колорадскую академию ВВС, историей мировой штурмовой авиации все-таки интересовался. Хотя бы на примере вьетнамской кампании и Второй мировой войны. И знал, что такое одиночный штурмовик, оставшийся без прикрытия над территорией врага.

«Бородавочник» может трижды продырявить любой танк своими долбаными урановыми снарядами, смешать с землей целый городской квартал или раскатать по дороге вражескую автоколонну, но он вовсе не приспособлен вести бой с истребителями или зенитными комплексами! И очень жаль, что капитан, мать его, Свитстоун этого так и не понял! Так что пусть

намажет медом и засунет в собственную задницу камень⁸, дожидаясь, пока сведения дойдут до объединенного центрального командования, сукин сын!..

Тяжело вздохнув, полковник поднял трубку радиотелефона: как бы оно там ни было, нужно уведомить армейцев об инциденте. Америка, как известно, своих на поле боя не бросает, поэтому нужно срочно выслать на поиски пилота группу. Благо, форт-брэгговские⁹ орлы все равно там что-то (вернее, кого-то) ищут, значит, это как раз их зона ответственности. Тем более что район бомбили по их требованию в качестве огневой поддержки с воздуха. Вот пускай и ищут, оправдывая раздутый, будто гелиевый метеозонд, военный бюджет!..

⁸ Фамилия капитана дословно переводится с английского как «сладкий камень».

⁹ Основной ударной силой американских войск во время войны в Афганистане в 2001 году были «зеленые береты», главная база которых расположена в Форт-Брэге (Северная Каролина).

Глава 4

...Скромная с виду дверь неожиданно плавно и бесшумно скользнула в сторону, открывая проход в небольшую комнатку примерно три на три. Яркий свет мощных ламп под потолком здорово бил по глазам после полумрака подвала, но Иван, готовый к этому, заранее прикрыл глаза. Он так и зашел внутрь, привычно перешагнув через высокий порог.

Дверь негромко чмокнула, закрываясь за его спиной. Иван осторожно приоткрыл глаза, стараясь приноровиться к смене освещения. Через несколько секунд он уже смотрел по сторонам абсолютно спокойно.

Пустота в комнатке не обманула Вакулова. Он стоял не двигаясь и спокойно ждал, со скукой разглядывая старый плакат с полуобнаженной красоткой на бетонной стене, что висел над покосившимся столом.

Воздух прямо перед Иваном внезапно задрожал, по нему побежали волны, и спустя мгновение Вакулов уже смотрел на выросшего из ниоткуда охранника. Выглядел тот довольно забавно: высокие десантные ботинки, камуфляж, компактный «Вереск» в руках – сейчас его девятимиллиметровый зрачок смотрел прямо на Ивана, – усик микрофона возле плотно сжатых губ и... каска-сфера с коротким штырьком на макушке, на котором сверкал начищенной медью десяток колец, причудливо вращающихся по кругу с разной скоростью и в разных же направлениях.

Иван был в курсе того, что это нелепое, казалось бы, приспособление генерировало своего рода «провал» в световом потоке за счет создаваемых микрополей. Возникали эти самые поля как раз в результате действия стекловолоконных колец, покрытых специально обработанной при помощи нанотехнологий медью. Прибор изменял движение направленного на него светового потока и лишал стороннего наблюдателя возможности видеть находящиеся в поле его действия объекты, заодно не позволяя обнаружить носителя датчиками объема, чем и был наиболее предпочтителен для часового на этом посту, нежели стандартный комбинезон-«хамелеон». Разработали этот прибор еще до Эпидемии американцы с англичанами, а наша военная разведка благополучно его стырила (вместе с оным «хамелеоном») и успешно использовала для собственных нужд. В группе эта «шапка-невидимка» оказалась в числе того многочисленного снаряжения, что было вывезено с секретных складов до и после ее роспуска.

– Назовите себя! – потребовал охранник.

– Капитан Вакулов, – ответил Иван. Он старался говорить ясно и четко – по расширенным зрачкам было хорошо видно, что часовой накачан «якорем» по самую макушку и может среагировать на неверные слова как угодно. Вообще-то Ивана давно занимала мысль: на фига вообще здесь, в «предбаннике», нужен дополнительный пост? Случись что, судьба охранника оказалась бы незавидной – ну завалил бы он пару нападавших, а потом что? Оставшиеся просто перекрестили бы «пустоту» несколькими очередями – и все, амбец! Или гранату б закинули... Тем более что и это и другие помещения надежно перекрывались всевидящими глазками камер, совмещенных с автоматическими пулеметами. Но вот поди ж ты – убирать пост никто почему-то не планировал...

– Встаньте в центр зеленого круга! – скомандовал тем временем дежурный. Вакулов послушно шагнул на цветной круг, проявившийся перед ним на полу. По телу побежала теплая волна.

Охранник несколько секунд глядел на Ивана не моргая, а затем, видимо получив подтверждение с центрального пульта, нехотя опустил оружие и шагнул к столу. Пошарив где-то в его недрах, он щелкнул скрытым тумблером. Слева от него распахнулась еще одна дверь, и Вакулов, по-прежнему стараясь не делать резких движений, прошел в недра Приюта.

Приют... То самое убежище, где укрылась после Эпидемии вся их группа... вся – за исключением тех, кто не уцелел в первые, самые страшные месяцы, когда новоявленная магия столкнулась с технологией... и твердой убежденностью подавляющего большинства людей о том, что никакого волшебства в мире нет, не было и быть не могло. Место, о котором, хотелось надеяться, не знал никто, даже вездесущие маги... *в первую очередь* вездесущие маги!

Пройдя коротким коридором (голые железобетонные стены со следами опалубки, пакеты кабелей под потолком, неяркие лампы над головой – в общем, ничего интересного), Иван оказался перед мощной металлической дверью, сделавшей бы честь любому военному бункеру высшей степени защиты из не столь давнего «немагического» прошлого. Впрочем, так оно вообще-то и было: раньше это был бункер, один из многих построенных под столицей на случай грядущей ядерной войны еще в семидесятые. Но войны не случилось. Штатовские «Минитмены» и «эмэкс» – равно как и наши «Стилеты» с «Тополями» – так и остались дремать в пусковых шахтах и стартовых контейнерах, а битва разразилась совсем в ином виде и качестве. Хоть оказалась она – если судить по произошедшим в мире изменениям – ничуть не менее страшной, нежели воспетая перепуганными голливудскими демиургами. Ага, Третья мировая... Магическая...

Вакулов тряхнул головой, прогоняя посторонние мысли, и привычно приложил ладонь к дактилоскопической панели электронного замка – вход в основные помещения Приюта охраняла отнюдь не магия, а старая добрая технология. Сканирование папиллярных узоров, считывание сосудистого рисунка сетчатки (впрочем, сейчас «глазной» сканер был отключен – за ненадобностью)... и прекрасно знающие друг друга товарищи, способные мгновенно отметить малейшую *необычность* в поведении вновь пришедшего.

Подставу, даже грамотно сплетенного магического фантома, раскусили бы очень скоро. Раскусили, быстренько допросили с пристрастием (какие пытки, какая магия, что вы?! Зачем? Всего лишь добрая старая фармакология, проверенные временем комбинации психотропов и наркотических средств) – и отправили в долгое плавание по реке забвения. Которую тут вполне успешно заменял старый канализационный коллектор, являющийся для обитателей Приюта не только утилизатором... гм... «отходов производства» (именно так, в кавычках), но и запасным путем эвакуации на случай штурма.

Панелька дактилосканера загорелась мягким зеленым светом, и дверь на удивление легко для своей многосантиметровой толщины скользнула в сторону. Переступив невысокий порожек, Иван по-хозяйски прошел внутрь.

Комната, где он оказался, не имела ничего общего ни со скромной клетушкой внешнего поста охраны, ни с утилитарной серостью коридора. Помещение центрального пульта (тоже, впрочем, охраны) выглядело не в пример лучше. Железобетонные стены были защищены вагонкой «под дерево», пол покрывало гасящее шаги покрытие, оба дежурных оператора сидели в удобных креслах перед напичканным самой совершенной электроникой подковообразным пультом с множеством мониторов... А в висок Вакулову смотрел холодный зрачок пистолетного ствола: третий охранник, как и положено, прячущийся в небольшой нише справа от двери, несмотря на все предыдущие уровни проверки, был начеку.

– Здоров, Ваньч! – приветствовал товарища Витька Раскосов, опуская свой раритетный пистоль – неизвестно каким образом попавший в его руки здоровенный пехотный «люгер» чуть ли не времен Первой мировой. Впрочем, несмотря на весьма почтенный для оружия возраст, в тире этот «раритет» навывлет прошивал бронежилет второго класса защиты, чему Вакулов сам был свидетелем. Несмотря на вполне работоспособное оружие, через плечо у Раскосова висел и штатный «СР-2М» – точно такой же, как и у охранника при входе, правда, с накрученным на ствол тупорылым глушителем.

– Здоров, коли не шутишь, – Иван пожал протянутую руку. – Проверять станешь?

– Обязательно! – осклабился товарищ. – Валюта, алкоголь, оружие, взрывчатые или отравляющие вещества, сигареты в не разрешенном к ввозу количестве имеются? Декларацию заполняли, гражданин? Пожалуйста, спустите штаны, наклонитесь и разведите руками ягодицы, я должен осмотреть ваш задний проход, – Витька довольно гыгыкнул. – Ладно, иди скорее, тебя уже подопечный заждался. Сразу в лабораторный блок топай, это шеф просил передать. А потом – к нему в кабинет.

– Угу, спасибо. – Вакулов поручкался с остальными дежурными и, обогнув пульт, на экраны которого выводились «картинки» как снаружи, так и из всех внутренних помещений Приюта, пошел к очередной двери. На этот раз ему не пришлось проходить никаких «проверок» – дверь была самой обыкновенной, металлопластиковой. А сразу за ней начинался главный коридор, также отделанный с некоторой претензией на роскошь. По крайней мере, стены здесь тоже были обшиты веселенькой расцветки вагонкой, шаги глушил толстый линолеум, а потолочные лампы, укрытые матовыми плафонами, не резали глаза так, как в «предбаннике» обколотого «якорем» охранника.

По правую руку шли служебные помещения – оружейные, хранилища «артефактов» (вот, блин, прижилось же словечко!), комнаты отдыха личного состава, пищеблок, слева – лаборатории и спецотсеки. Конечно, послуживший основой для строящегося Приюта советский «атомный» бункер и близко не был ни таким комфортабельным, ни таким обширным: все это было отстроено уже после принятия решения о переводе Команды на нелегальное положение. Благосредства были, и трудовые, так сказать, ресурсы имелись...

«Что-то я развспоминался сегодня... – мрачно подумал Вакулов, останавливаясь перед герметичной дверью с малопонятной трафаретной надписью «Спецблок 2А. Входить в спец-одежде». – Ага, самое время, молодец...»

Незаблокированная ручка подалась под его рукой, и дверь, негромко чмокнув герметиком, распахнулась внутрь. Несмотря на предупреждающую надпись, Иван даже не подумал переодеться или хотя бы скинуть верхнюю одежду: его предупреждение *не касалось*.

Скрывавшаяся за дверью комната оказалась довольно большой, квадратов двадцать. Все ее убранство составляла удобная функциональная кровать наподобие тех, что стоят в отделениях реанимации, никелированная стойка под капельницы, тумбочка и стеклянный шкаф с лекарствами. Типичный больничный интерьер. Особенно колоритно смотрелся сверкающий хромом манипуляционный столик, покрытый стерильной салфеткой, на которой зловеще поблескивали какие-то ампулы, бутылочки с физраствором, запаянные в целлофан одноразовые шприцы и системы для внутривенных вливаний. Установленная на прикроватной тумбочке электронная система суточного мониторинга сердечной и дыхательной деятельности равнодушно попискивала и перемигивалась огоньками индикаторов. Все огоньки были зелеными – лежащий на кровати человек во врачебной помощи не нуждался.

– А, явились, коллега, – из стоящего под стеной кресла неспешно поднялся небритый, абсолютно лысый человек в немыслимо мятой и вылинявшей хирургической пижаме. – Ладно, Ванчик, мог бы и не спешить – дрыхнет он, чего ему еще делать-то? При таких дозах...

– В сознание не приходил? – осведомился Иван, пожимая протянутую руку и подходя к кровати.

– Издеваешься? После твоего-то коктейля... Он сейчас в та-а-аких астральных далях... только знаешь, Ваня, еще дня три – и все. Сердце не выдержит, и почки тоже.

– А больше и не потребуется, будто сам не знаешь. – Вакулов позвенел пустыми ампулами на столике. – Второй состав колот?

– Ага. Так что его сейчас хоть под скальпель пускай – все одно ни фига не почувствует. Продолжать в том же духе, герр доктор?

– Можешь понижать дозы. Только постепенно, а то загнется наш Мерлин, что тот наркоман. Так, чтобы завтра к вечеру он начал хоть что-то соображать. – Вакулов наклонился над

«пациентом» и пощупал пульс. Затем, взяв со столика ручку-фонарик, оттянул тому веко и посветил на зрачок. Удовлетворенно хмыкнув, обернулся к лысому: – Ладно, пошел я к шефу на ковер.

– Валяй. Удачи. Кстати, на – небось свои запасы уже закончились? – Человек протянул Ивану несколько шприц-тюбиков с необычной, ярко-зеленой маркировкой на корпусе.

– Ага, спасибо, – Вакулов спрятал «якорьки» в карман, – ну все, пошел.

– Да за что спасибо? – вроде как даже испугался лысый. – Сам же в курсе, что за эту дрянь так не скажешь. Да и потом, отчего не помочь благодетелю? – Иван протестующе замычал. – А вот не спорь, именно благодетелю, без всякой иронии! Где бы я сейчас обретался, если бы ты меня к себе в напарники не пристроил? Под забором? Или у пункта приема стеклотары с «синяками» одеколон глушил? То-то! Так что еще раз, удачи. – Обряженный в пижаму человек плюхнулся обратно в кресло. – Как свою порцию звездудей получишь, смену прислать не забудь. А потом – может, по пиву?

– Может, и по пиву. Кто ж его знает? Все от интенсивности звездудей и количества использованного вазелина зависит. – Иван криво усмехнулся и взялся за дверную ручку. – Ну, все, пошел я!..

... – Точно нельзя было иначе? – Шеф, коренастый мужчина с ежиком седых волос на голове, одним движением скрутил пробку с запотевшей бутылки водки и разлил алкоголь по рюмкам. Рюмки были оригинальные, знакомые практически всем обитателям Приюта – из толстого стекла, в форме гильз от зенитной пушки и объемом никак не меньше ста граммов. – Ну и ладно. Надеюсь, ты его надежно *успокоил* – терпеть не могу все эти ревоплощения и возвраты! Что ж, помянем безвестного мага, хоть туда ему была и дорога. А если серьезно, – шеф, прищурившись, посмотрел, осушил ли Иван емкость до дна, – то пора нам что-то менять. Центр о нас, похоже, совсем забыл, денег на счетах не прибывает, про остальное я вообще молчу... обложат рано или поздно – и все. Ну, будет им воронка в пару километров в центре Москвы – а толку-то? Как-то не так оно все, Вакулов, ой не так! Понимаешь?

– Понимаю, Георгий Ростиславич, оч-чень даже хорошо понимаю. – Иван грекнул опустевшей рюмкой о полированную поверхность стола. – Только что *мы* можем изменить? Ну, перестанем магами заниматься – ничего ж не изменится, правда? Так хоть какие-то деньги...

– Вот именно, что *какие-то*... – буркнул шеф, опускаясь в удобное кожаное кресло. – Хорошо. Про кабак уже знаешь?

– Знаю. Как раз мимо проходил, даже, честно говоря, думал, что вся эта бодяга из-за меня случилась. Решил, те патрульные начудили.

– Нет, не из-за тебя, не переживай. И патрульные тут тоже ни при чем. Знать бы только, кто «при чем»... А вот Ледокола жалко, он нам еще нужен был. Теперь ведь к ребятам и не подступишься – у них сейчас свои терки да разбиралово начнется – снова время потеряем. Э-эх... Ладно. Тебе на смену когда?

– Сегодня. Так что здесь буду завтра к вечеру – подопечный созрел, можно говорить.

– Ага, хорошо... – Шеф задумчиво посмотрел на исходящую льдистыми «слезами» бутылку и решительно убрал ее со стола. – Тогда иди, Иван, только поосторожнее там, договорились? Предчувствие у меня какое-то такое появилось... нехорошее. Кабак кабаком, шут с ним, не впервые там полы кровью моют, но вот ты сам... закручивается вокруг тебя что-то, честное слово, закручивается, но вот что именно? Никак понять не могу, даже несмотря на весь мой немалый опыт! И агентурный, и *вообще*... Не знаешь, часом, в чем дело?

– Да... нет, Георгий Ростиславич, не знаю...

– Ну, нет – так нет. Иди. Поглядим, как оно дальше сложится, может, чего и прояснится...

Афганистан, провинция Урузган,

октябрь 2001 года

...«Нет, точно не мой день, – в который раз за последний час подумал капрал Энтони Крикс, размеренно ступая по усеянному мелкими камнями склону, – сначала полдня скакать по горам, разыскивая неуловимых талибов, которых тут наверняка нет, а теперь еще и это. А ведь мы уже должны были вызывать «вертушку»! Сорок минут лету, и мы в родном лагере! Так нет...»

Примерно так же думали и остальные «зеленые береты» из группы спецназначения «Танго». Изначальный приказ – выдвинуться в район, дожидаться, пока ущелье проштурмуют парни из ВВС, и обследовать несколько пещер на предмет наличия-отсутствия террористической базы – ни у кого особых споров не вызвал. На войне как на войне: в конце концов, именно к этому их и готовили в каролинской «президентской учебке»¹⁰.

Но вот поступившая час назад вводная, откладывавшая возвращение на неопределенный срок (точнее, как раз на определенный: до обнаружения пилота сбитого штурмовика), никому особой радости не доставила. Лишние пять миль по горам – то еще удовольствие! Нет, помочь попавшему в беду боевому брату, прикрывавшему их задницы с воздуха, конечно, святое дело, но...

– Крикс, Даркхилл, Этрекс – правый фланг, Джонс, Майстерс – левый! – Голос капитана Уатта оторвал Энтони от его размышлений. – Ласински, О'Нил – со мной. Внимание, парни, похоже, мы на месте. Пятьсот футов на юго-восток. Держите фланги. Все, вперед...

Спецназовцы привычно рассыпались в боевой порядок: впервой, что ли? Тем более особых поводов для волнений в общем-то не было: по ним никто не стрелял, не пытался сбросить со склона или окружить. Лишь вдали, примерно в миле отсюда, чадили на дороге несколько разбитых автомобилей – не то какие-то внутренние афганские дела, не то наши асы потрудились.

Крикс тяжело плюхнулся на колено (конечно, «тяжело»: бронежилет, разгрузка, рюкзак – пятьдесят пять с лишним фунтов!) и вскинул снайперскую винтовку, обозревая через мощную оптику попавшие под определение «правого фланга» окрестности. Камень, кругом только голый, безжизненный камень. Словно перенесенный за полмира кусочек выжженного неистовым аризонским солнцем Большого каньона. Как только тут люди живут? Оттого, видать, и сходят с ума, взрывая мирные нью-йоркские небоскребы, что вся их страна – просто голый камень!..

Капитан вместе с двумя «беретами» скрылся из виду, спустившись в неглубокий распадок, несколько долгих секунд стояла тишина, затем в крохотном наушнике раздалось:

– Чисто. Спускайтесь, мы нашли.

Дождавшись, пока Даркхилл с Этрексом скроются за каменным развалом, Крикс припустил следом, настороженно поводя в стороны стволом снайперки: мало ли?..

К счастью, никакого «мало ли» не обнаружилось. В несколько прыжков преодолев последнюю сотню футов, капрал спустился вниз, убедившись, что поиск окончен. Они и на самом деле нашли. Правда, не катапультировавшегося пилота, а сам упавший самолет: неглубокую, все еще дымящуюся воронку, усеянную искореженными обломками дюрала и стали. Хвост самолета и оба двигателя, отброшенные взрывом, валялись далеко в стороне. Смятый ударом и обгоревший пилотский бронекон с остатками кабины глубоко зарылся в каменистый грунт.

– О'Нил, со мной, – скомандовал капитан, вместе с темнокожим сержантом спускаясь на дно рукотворного кратера. Несколько минут они ковырялись возле искореженной кабины, затем двинулись в обратный путь.

¹⁰ Учебный центр сухопутного спецназа США носит имя президента Джона Кеннеди.

– Можно возвращаться. – Уатт сделал солидный глоток из фляги. Затянутая в перчатку без пальцев рука капитана едва заметно подрагивала.

– Сэр, значит, пилот?.. – неожиданно решил проявить инициативу Джонс. Идиот.

– Пилот представляет собой не слишком аппетитное зрелище. – Капитан судорожно дернул кадыком, тем не менее продолжив вполне спокойным голосом: – Этрекс, вызывай вертолет, нам тут больше делать нечего.

– То есть он погиб? – наморщив лоб, глуповато переспросил придурковатый Джонс.

– А ты как думаешь? Сначала парня перемолотило при ударе и взрыве, затем, пока горело топливо, превратило в барбекю. А бронированная коробка сохранила все, что осталось, для его родственников. Отсюда мораль: заткнись, Пит! Впрочем, можешь сходить вниз и самостоятельно насладиться зрелищем. И порыгать заодно.

– Сэр! – Оседлавший наивысшую точку, здоровенный валун на самом гребне, Майстерс, второй снайпер группы, призывно махал рукой. – Тут кое-что... интересное...

– Потом, Стив. – Капитан снова обернулся к радисту, однако сбить с толку Стива Майстерса оказалось не так-то просто.

– Капитан, вам **КРАЙНЕ НЕОБХОДИМО** увидеть ЭТО!..

Уатт чуть раздраженно пожал плечами, хлопнул радиста по плечу – «продолжай, мол» – и легко, будто и не бродил наравне со всеми целый день по горам, взбежал на гребень. Примо-стился рядом со снайпером и взглянул, прикрываясь от солнца сложенной козырьком ладонью, в указанном направлении. Хмыкнув, поднес к глазам бинокль, долго смотрел.

– Ну и что это, по-твоему, такое, Стив?

Впереди и ниже, примерно в тысяче футов от них, по центру продолговатого кратера, лежало наполовину зарывшееся в каменистый грунт нечто длиной в полтора человеческих роста. Навскидку это нечто напоминало сброшенный за ненадобностью авиационный топливный бак, покрытый ртутно-серебристой, почти зеркальной краской, но только навскидку. Капитан весьма слабо представлял себе, из какого материала нужно сделать подобный бак, чтобы при падении он не просто воткнулся в камень, а еще и пропахал за собой длинную борозду! На неразорвавшийся боеприпас, упавший с внешней подвески разбившегося «бородавочника», штуковина тоже походила слабо – из тех же соображений.

– ...Сначала думал, что самолет сбросил... – Сморгнув, капитан вернулся в реальный мир, с секундной задержкой догадавшись, что снайпер отвечает на им же самим заданный вопрос. – А потом понял, что не может быть.

– Почему?

– А вы сами посмотрите. – Майстерс протянул командиру снайперский сорокакратный монокуляр. – Бинокль – штука хорошая, но у меня-то сороковка! На стен – ки воронки смотрите, – подсказал подчиненный. – Видите?

– Вижу, – тихонько пробормотал капитан Уатт, только сейчас начиная что-то по-настоящему понимать.

Склоны образовавшегося при падении «штуковины» кратера-воронки отчетливо отблескивали на солнце слоем спекшегося, остекленевшего камня. Почва вокруг тоже покрылась заметной даже с такого расстояния коркой. И это касалось уже не материала неизвестно откуда взявшейся серебристой сигары, а скорости, с которой она врезалась в землю.

– Позови Ласински с О'Нилом, мы спустимся, посмотрим на эту блестящую радость поближе. Сам сиди здесь, приглядывай за нами, – капитан многозначительно крутанул головой. – Да, Этрекса тоже давай сюда, вместе с рацией, естественно. И пусть спутниковый «зонтик» прихватит. Похоже, мне придется сказать кое-кому пару слов. Ну, все, бегом, остроглазый, в темпе, в темпе! «Трубу» оставь, я пока посижу за тебя, наблюдаю...

...Пожалуй, единственным, кто мог бы хоть что-то рассказать о том, откуда взялась странная находка, был маленький афганский мальчик Али Назраи. Однако делать этого он бы, конечно, не стал. Во-первых, потому, что именно в эту минуту мальчишка бежал в сторону ближайшего населенного пункта, спеша рассказать, что произошло с небольшим караваном беженцев.

А во-вторых... во-вторых, этот смуглый паренек, в глазах которого всего пару часов назад поселилась совершенно *недетская* боль, скорее дал бы отрубить себе руку, словно базарному воришке, чем ответил хоть на один вопрос пришедших в его страну ненавистных убийц-кафиров...

Глава 5

...Не признать по манере говорить истинную ведьму мог только полный кретин. Иван таковым, к счастью (или несчастью), не был и потому с интересом обернулся посмотреть, как пухленькая старушка в цветастом платке «окучивает» дежурного терапевта Галину Иосифовну.

– Доченька, ты уж мне таблеточки какие-нибудь пропиши. Ведь плохо мне, вся измучилась, сил уж никаких нет! Является по ночам, проклятуший, и спать не дает! – Бабулька даже всхлипнула от избытка чувств.

Галина Иосифовна, листая на ходу карточку болезни, не обращала на семенящую то слева, то справа от нее старушку никакого внимания. На лице молодой докторши была написана неприкрытая скука и полная апатия. А что вы хотите: суточное дежурство в муниципальной (читай, бесплатной!) поликлинике – это не шутка!

Врач подошла к регистратуре и, наклонившись к окошку, вяло сказала:

– Настюша, положи, пожалуйста, эту карту на место и поищи мне на фамилию Бурмистрова... Да, Бурмистрова, адрес: Вешняковская пять-четыре.

Бабулька побагровела:

– Ты что ж это?! Почему лечить меня не хочешь?! Куды карточку мою сдаешь?! Я к главврачу сейчас пойду, жаловаться! Плохо мне, болею я!!!

– Грешила много, вот и болеешь, – равнодушно бросила терапевт, рассеянно наблюдая через стекло стойки, как молоденькая медсестра торопливо перебирает расставленные на полках карточки пациентов.

Старушка, готовившаяся выдать новую порцию ругани, застыла на месте с разинутым ртом. Люди, что стояли в очереди к окошку, замерли от неожиданности. В коридоре мгновенно наступила тишина – какие-то звуки доносились только с улицы и лестниц, ведущих на верхние этажи. Медсестра выронила из рук карточки и округлившимися глазами смотрела на Галину Иосифовну.

Вакулов не выдержал и засмеялся, нарушая тяжелое молчание: вид остолбеневшей ведьмы, в буквальном смысле слова срезанной меткими словами, весьма его позабавил. Оцепенение, владевшее до этого людьми, исчезло – слышались еще чьи-то неуверенные смешки, шушуканье. Сестричка торопливо подобрала рассыпанные документы и снова вернулась к своим поискам.

Галина Иосифовна получила необходимые бумаги и спокойно удалилась. Бабка, судорожно хватая ртом воздух, проводила ее выпученными, белыми от злости глазами. Очухалась она только минут эдак через пять и сразу же истошно взвыла противным, визгливым голосом:

– Ах ты ж, гадина! Да я тебя в порошок сотру! Ишь, моду взяли – над больными людьми издеваться! Ну, щас ты у меня заплачешь! Я тебе щас *такое* устрою! – Старуха торопливо полезла в свою сумку и лихорадочно принялась там что-то искать. Люди снова замерли – ситуация поворачивалась таким образом, что произойти сейчас могло все, что угодно.

– А вот это уже перебор, мамаша! – твердо сказал Иван, подходя к ведьме и жестко беря ее за предплечье. – Ты разве не в курсе, что по четырнадцатому пункту Резолюции все муниципальные учреждения объявлены зонами, где запрещены любые формы волшебства, колдовства или иного чародейства? А что я тебя прямо здесь без всякого суда и следствия имею право *упокоить* за нарушение этого пункта?! – И, подкрепляя свои слова, Вакулов многозначительно похлопал по висевшему у него на поясе «Перначу». После нескольких *инцидентов* охрана госучреждений была вооружена на совесть – оружие ей нынче выдавали непростое, не какие-нибудь газовые пугачи, а самые что ни на есть боевые пистолеты с возможностью автоматического огня...

Ведьма спала с лица и столь стремительно побледнела, что Иван даже несколько забеспокоился, не хватит ли ее удар.

– Сыночек, да я что? Я ж ничего! Ты не подумай ничего плохого – я ведь только за платочком полезла! – тараторила она, глядя на такого строгого охранника совершенно искренне испуганными глазами. – Это ж я в запале! А так я к Галинь Есиповне с большим уважением отношусь!..

– Шли бы вы, мамаша... – со всевозможной ласковостью в голосе попросил Иван. – А то, не ровен час, всякое может случиться, стрельну еще...

– Конечно-конечно! – засуетилась бабулька, осторожно пытаясь высвободиться. Вакулов нехотя разжал пальцы. Ведьма тотчас припустила к раздевалке и быстренько протянула свой номерок гардеробщице.

Однако, уже стоя на пороге поликлиники, старуха обернулась и, пронзительно глянув на Ивана, зловеще пообещала:

– Пожалеешь ты, милоч, об этом. Сегодня и пожалеешь – вот тебе мое слово! Смотрит уже на тебя геенна огненная, ох, как смотрит! – Она смачно плюнула на пол под ноги Вакулова и резво хрястнула дверью.

Иван несколько обескураженно покрутил головой, но промолчал. Уподобляться ведьме и попусту сотрясать воздух руганью он не хотел.

Может, и зря, хотя... Не она ведь первая в его жизни, кто желал оной скоропостижного завершения. И ничего, жив пока, знаете ли...

...Подвела Вакулова любвеобильность напарника.

Гришка Шевелев, его сменщик, был тем еще ходок! Или «перехватчиком» – кому какой термин больше нравится. Его многочисленных подружек, частенько захаживавших в поликлинику в поисках ветреного кавалера, Иван даже не пытался запомнить. На случай общения с ними у него было припасено дежурное и безликое «сударыня»: подставлять приятеля, спутав какую-нибудь Лену с Наташей, он больше не желал – были, знаете ли, прецеденты.

Именно из-за Гришкиной натуры Вакулов и не среагировал должным образом, когда незнакомая девица набросилась на него с истеричным криком: «Попался, мерзавец!»

Устало вздохнув, Иван постарался улыбнуться как можно более любезно и хотел было привычно сказать, что, мол, ошиблись вы, *сударыня*.

Не успел...

Летящий ему в голову кулак Вакулов заметил краем глаза, но отчаянная попытка уклониться не увенчалась успехом – врезали качественно, и сознание накрыло черной пеленой.

ЭКСПЕРИМЕНТ № 00889-12

Настройка основной системы

Народная Республика Афганистан,

апрель 1987 года

...В принципе, у них и не осталось ни одного шанса с того самого момента, когда по головной и замыкающей колонну БМП одновременно врезали из гранатометов – развернуться на узком горном серпантине было просто негде. Головная «бэха» тут же превратилась в чадный факел, замыкающей повезло больше: кумулятивный заряд попал в двигатель, властной рукой останавливая машину и сметая с брони десант.

Заблокированный между двумя бензовозами БТР-70 попытался было расчистить путь к головной БМП – бывали случаи, когда мощности двух камазовских движков хватало, чтоб столкнуть с дороги запирающую огненный капкан бронемашину, но взорвавшаяся прямо перед ним автоцистерна преградила путь несколькими тоннами искореженных обломков и пылаю-

щего бензина. А мгновением спустя бронетранспортер накрыла огненная волна: рванул второй бензовоз, успевший по инерции сократить дистанцию, почти ткнувшись бампером в корму бэтэра...

Впрочем, и экипажу, и десанту обреченного бэтэра было уже все равно. Еще одна противотанковая граната аккуратно вошла в борт, и из всех люков и без того уже охваченной огнем бронемашины одновременно полыхнуло дымное жаркое пламя взорвавшейся соляры...

На этом все, по сути, и закончилось: засевшим на господствующей высоте моджахедам осталось лишь перебить зажатых между скалой и стометровой пропастью людей, расстрелять оставшиеся бензовозы и грузовики и уйти.

Мехвод замыкающей колонну «бэхи» погиб сразу, однако наводчик-оператор Сергей Грымов и ее командир, лейтенант Виктор Марков, от взрыва разворотившей МТО гранаты почти не пострадали. Хотя, конечно, «почти» – понятие на войне весьма растяжимое...

Несмотря на разбитый двигатель и заполнивший боевое отделение дым, электропривод еще работал, и Грымов повернул башню в сторону нависающего над горной дорогой склона. Подняв ствол на максимальный угол возвышения, он нажал на спуск, ориентируя прицел по заметным среди камней вспышкам душманских выстрелов. Эффективность от такой стрельбы была, конечно, почти нулевая, но все лучше, чем безропотно ждать второй гранаты в борт!

Тридцатимиллиметровая автоматическая пушка БМП захлебнулась судорожным кашлем, щедро расходуя осколочно-фугасные и трассирующие снаряды из первой боеукладки – от второй ленты, набитой бронебойно-трассирующими выстрелами, пользы во время подобного боя и вовсе никакой. Толку с того, что бронебойный снаряд способен с полутора километров прошить борт практически любого натовского бэтэра? От противотанковой кумулятивной гранаты их алюминиевая броня защитит не лучше, чем фанера – от выстрела из «калаша»!

Отстрелянные гильзы закувыркались по броне, горячей волной потекли на исцарапанную гусеницами каменистую афганскую землю: орудие работало с максимальной, более пяти-сот снарядов в минуту, скорострельностью. Усеянный валунами склон немедленно покрылся десятками дымных разрывов. Впрочем, особого вреда укрывшимся за камнями душманам это принести не могло. Одна-единственная мелкокалиберная пушчонка ненавистных «шурави» практически ничем не угрожала их заранее подготовленной огневой позиции. Что ни говори, а воевать не обученные даже простейшей грамоте «духи» умели неплохо.

– ...на хрен пацанов с брони смело! – Сергей не сразу узнал измененный ларингофоном голос командира. – Говорил ведь: сидите лучше внутри! Как чувствовал, б...!

Грымов бросил короткий взгляд на говорившего – вернее, кричащего – лейтенанта, тыльной стороной ладони отиравшего струящуюся из носа кровь: контузило. Да, командир прав: сидел бы десант под броней – может, и уцелел бы. Хотя вряд ли. Не зря ведь армейские остроловы еще в первые годы этой странной войны обозвали БМП «братской могилой пехоты». Легла б граната на метр дальше – и пришлось бы их со стенок десантного отделения лопатой соскабливать.

Правда, теперь их придется соскабливать с дороги...

А вообще, хреново, конечно. И пацанов жаль, и того крошечного шанса, что кто-то из спасшихся снимет высунувшегося из укрытия гранатометчика прежде, чем он превратит «бэху» в еще один пылающий факел, у них теперь нет. В подобных условиях танк или БМП без прикрытия – ноль без палочки: бой на горном серпантине – почти то же самое, что и бой в городе. Это еще немецкие фаустники в сорок пятом неплохо доказали: оставшийся на узкой городской улице без пехотного охранения танк сгорал за несколько секунд.

А вокруг меж тем царил суший ад: двадцатиметровым факелом полыхнул еще один бензовоз; истерзанный пулями тентованный «Урал» сорвался с тормозов и грузно перевалился

через край пропасти; рванул, вышибая люки и срывая башню, боекомплект первой сожженной БМП...

Блин, люди, ну кто так проводит колонны, а?! Без «вертушек» огневой поддержки, без оседлавшего опасные перевалы спецназа, без серьезного прикрытия бронетехники?..

Ну и что с того, что район признан «безопасным»? Что с местными достигнута какая-то там сомнительная «договоренность» на проводку колонны? Что всей той колонны – пять бензовозов да четыре «Урала» под прикрытием аж двух сраных БМП, одного едва живого бэт-эра первой промышленной серии и взвода необстрелянных, только из ферганской «учебки», пацанов? Не наплевали «духи» на ваши договоренности? Пропустили колонну? Суки вы, все вы суки, слышите – *все...*

Конечно, вскоре с ближайшего аэродрома поднимется дежурная боевая пара «крокодилов» и проутюжит НАРами эти усеянные стреляными гильзами и израсходованными гранатометными выстрелами склоны. Вот только «духов» там уже не будет, уйдут своими тайными тропами восвояси.

А потом, в назидание за нарушенную «договоренность», на пару ближайших кишлаков спикируют из выжженного солнцем поднебесья штурмовики, обращая в пыль фугасными бомбами и напалмом глинобитные духаны, но что это изменит? Кто вернет жизнь уже погибшим и прямо сейчас погибающим советским ребятам? Кто вернет им жизнь, а их самих – оставшимся в далеком Союзе матерям и невестам? Кто?..

...А ведь у нас все точно так же! Ничего с тех пор и не изменилось!..

Все эти, кажущиеся долгими, мысли пронесли в голове Сереги Грымова по кличке Грымза – *жалко парня, совсем ведь еще пацан... был!* – за считанные секунды. Те самые секунды, что потребовались скорострельной автоматической пушке 2А42, чтобы выпустить по горному склону первую сотню из полутысячи штатных снарядов.

И это было последним, что успел сделать сержант Грымов в своей совсем недолгой девятнадцатилетней жизни.

Воткнувшаяся в крышу боевого отделения *советская* кумулятивная граната ПГ-7В, выпущенная из *советского* же гранатомета РПГ-7, с легкостью пробила тонкую броню и взорвалась внутри, превратив последнюю из бронемашин прикрытия уничтоженной колонны в фонтанирующий рвущимся боекомплект факел...

... – М-мать, снова!!! Больно-то как...

– Заканчивай придуриваться, Иван. – Голос Игоря Довбаня донесся до Вакулова откуда-то из темноты.

«Он-то здесь какими судьбами? – вяло удивился Вакулов. Думать было тяжело – саднящая тупая боль то накатывалась на него, то отступала подобно морским волнам. И желудок скручивало так, что его содержимое грозило выбраться наружу по собственной инициативе. – Неужели мы и в самом деле находимся на корабле?»

– Иван! – Голос Игоря звучал укоризненно. – Хватит уже, честное слово, изображать из себя смертельно убитого! Ничего с тобой страшного не случилось... пока!

От этих слов в мозгу Вакулова ослепительно вспыхнула мысль о том, что он опять воевал в чужом теле! Воевал... и погибал! Иван даже перестал обращать внимание на радостно набросившуюся на него гадину под названием боль – настолько его захватили воспоминания. Ведь что интересно – в этот раз (в отличие от первого «сна») он постоянно осознавал, что это не происходит с ним самим, а перед глазами крутится лента «кино» из чужой жизни! Он даже мог оценивать происходящее, бессильно материться при виде гибели солдатиков на забытой богом горной дороге и искренне жалеть Серегу Грымова. Да-да, точно, Грымова, Грымзу – именно так его и звали, того солдатика, размазанного взрывом по стенкам боевого отделения...

Глаза Иван все-таки открыл.

Лежал он на узкой больничной кушетке, накрытой полиэтиленом, в помещении, ужасно похожем на приемный покой больницы. Шкаф с лекарствами, казенная серая краска стен, покосившийся стул... и улыбающийся Игореха с пронзительно пахнущим нашатырем ватным тампоном в руке...

Стоп!

– Ты откуда здесь взялся? И где мы, собственно? – осведомился Иван, пытаясь приподняться. Боль словно этого и ждала, вновь радостно вонзившись огненной иглой в левую часть головы. Вакулов со стоном откинулся обратно на кушетку.

– Э, ты поаккуратней! – возмутился Игорь. – Мы его, понимаешь, спасали-спасали, а он сейчас возьмет и окочурится! На-ка вот – нюхни нашатырчика! Да не мычи ты! И не отворачивайся – для тебя же стараюсь!

– Да ты мне его в рот выжимаешь! – промычал Вакулов. – Убери ты эту гадость, ради бога!

– Ну и что? Это же спирт! – искренне изумился Игорь. – Внутреннее прогревание, дезинфекция, дезинформация... не, это уже из другой оперы. В общем, с возвращением вас, Иван Викторович! Докладываю: взяли тебя грамотно. Оглушили, скрутили и волокли к машине уже без чуйств. – Игореня, как обычно, не мог удержаться от того, чтобы немного не похохмить. – А мне с Колюхой Куприяновым шеф велел приглядывать за тобой. Прямо как к ведунье сходил! Вот мы, значитца, и сидели неподалеку. А тут смотрим, такая похабель творится – Вакулыча какие-то хмыри похитить решили! Цирк, да и только! Пришлось вмешаться, разумеется.

– И кто это был? – заинтересованно спросил Иван.

Игорь слегка покраснел.

– Знаешь, – сказал он, отводя глаза, – нам не удалось взять никого из них... живым.

– Не понял! – искренне удивился Вакулов. Чтобы натасканный на захват в условиях огне- или магоконтакта боец спецгруппы не мог с кем-то справиться и выполнить задачу по нейтрализации противника?! Хотя... хотя никто не идеален и на каждую хитрую жопу всегда найдется болт с левой резьбой. Значит, в этот раз ребятам попался достойный соперник. Вопрос в другом – кто это такой, гм, «левозакрученный» вдруг заинтересовался персоной скромного отставного капитана? Какой смысл посылать на его захват элитных «волкодавов»? Да еще при этом и действовать так нагло – завалить человека посреди бела дня, невзирая на то что вокруг было полным-полно свидетелей! Так обычно ведут себя в том случае, если ничего и никого не боятся, чувствуя за спиной поддержку «властей предержащих»... или же когда некуда отступать и нужно добиться результата *любой* ценой.

Ерунда какая-то! Кому он мог *так* досадить? Блин, голова просто раскалывается – никак не получается сосредоточиться! Еще и нашатырем, блин, воняет... Кстати, о чем это там Игорек бурбит?

– ...с виду – как распоследние лохи одеты, а нижнее белье дорогое, заграничное. И одет такой, что не каждый наш генерал себе позволить может. Это только то, что на месте сразу в глаза бросилось, когда мы их маленько обыскали до приезда труповозки.

– Труповозки?

– Ну да, а как же иначе? Мы люди законопослушные: тебя вот в кабинет дежурной медсестры отволокли и сразу же врачей из поликлиники кликнули, а они труповозку и оперов вызвали – когда убедились, что клиенты «холодные».

– Погоди, – постарался собраться с мыслями Иван, – а документы при них были?

– Да о чем я тебе только что говорил? – всплеснул руками Игорь. – Пустые они оказались! Ничего, кроме жетончиков с совой, у них не нашли. Даже тачка в угоне числится.

– Какие, говоришь, жетончики? – заинтересовался Вакулов.

– Да вот такие, – равнодушно ответил Довбань и продемонстрировал Ивану прямоугольную металлическую пластину на черном шнурке. С нее на Вакулова пристально глядела огромными круглыми глазами нахохлившаяся крючконосая сова.

*...Правда настолько ценна, что вокруг нее приходится возводить
бастионы лжи...*

Сэр Уинстон Черчилль

Научно-исследовательский центр ВС США

«Пятая Точка», военная база «Форт-Блисс»,

Техас, ноябрь 2003 года

...Предвкушавший триумф бригадный генерал Тимоти Хаггерс прямо-таки лоснился от удовольствия. Ровно два года потребовалось яйцеголовым, чтобы разгадать секрет доставленной из Афганистана штуковины, волею случая обнаруженной «зелеными беретами» в горах. Но ведь сумели разгадать, справились! Значит, не зря налогоплательщики закрывали очередную многомиллионную дыру в военном бюджете, обозначенную малопонятным определением «расходы на особые научные изыскания»!

Правда, в прошлом году, когда окончательно стало ясно, что эта штука сделана где угодно, но только не на Земле, о субсидировании проекта «Silver Cigar»¹¹ можно было больше не беспокоиться. *Вообще не беспокоиться*: термин «открытый бюджет» дорогого, знаете ли, стоит!

Правда, как именно им удалось это сделать – яйцеголовым, в смысле, не налогоплательщикам! – генерал Хаггерс так и не понял. Да и не старался особенно понять, если уж честно. Его статус главного куратора от верховного командования Сухопутных сил вовсе не предполагал глубокого «вникания в предмет». Достаточно и того, что он с грехом пополам уяснил: поданное на корпус инопланетной «сигары» напряжение (или излучение, хрен его знает, как правильно?) строго определенных параметров изменит его молекулярную решетку таким образом, что она раскроется, словно орех. «Молекулярный код», так, кажется, они это называли. Всего-то один сраный импульс – и все!

А ведь за первый год исследований оболочка этой штуковины, страшно сказать, чего только не выдержала! Лазерный луч, поток жесткого рентгеновского излучения, алмазный резак, многотонный гидравлический пресс и даже удар потока разогнанных в ускорителе TEVATRON элементарных частиц... Да все, что угодно, разве только в эпицентр ядерного взрыва не засовывали!

И хоть бы хны: ни царапины, ни вмятины. Вот тогда-то яйцеголовые и поняли, с чем столкнулись, и стали искать другие пути. И ведь нашли, свидетелем чего вот прямо сейчас должен стать он, бригадный генерал Тимоти Хаггерс!

Самодовольно хекнув, генерал усталился в смотровое окно, бронированное стекло которого отделяло его от лаборатории. Там, за стеклом, сновали двое упакованных в герметичные костюмы ученых. Окруженная множеством приборов, опутанная какими-то кабелями «штуковина» невозмутимо возлежала на специально разработанном стенде. На многочисленный персонал, сидящий в этом же помещении перед своими мониторами, испещренными непонятными таблицами и графиками, Тимоти даже не обращал внимания. У них своя работа, у него – своя.

Наконец все приготовления завершились, и лаборанты убрались прочь. Несколько мгновений ничего не происходило, затем из невидимого динамика раздалось:

– Внимание, тестовый частотный пакет пошел.

¹¹ «Серебряная сигара» (англ.).

Хаггерс подался вперед, едва не стукнувшись лбом о пуленепробиваемое стекло, однако ничего не изменилось. Невидимый оператор равнодушно сообщил:

– Совпадения не зафиксировано. Второй пакет...

Оправдать затраченные на проект «SC» деньги удалось только на десятом «пакете». Оболочка серебристой «сигары» вдруг подернулась рябью, словно вода под ударом воздушной струи заходящего на посадку вертолета, на миг застыла – и, разом утратив былую твердость, десятками «ртутных» ручейков потекла вниз, застывая на полу бесформенными сверкающими лужицами. Несколькими секундами позже на поверхности испытательного стенда уже лежала некая ажурная металлическая конструкция, обводами повторяющая исчезнувшую «сигару», заполненная множеством разнообразных по форме контейнеров. Инициированная одним из частотных пакетов трансформация завершилась, и инопланетная штукавина была готова отдать людям свои сокровища...

Генерал вздрогнул, запоздало осознав, что смутивший его звук – всего лишь аплодисменты сидящих за компьютерами людей. Сотрудники «Пятой Точки» вставали со своих мест, поздравляя коллег с победой. Несколько человек даже подошли к генералу, чтобы пожать ему руку. Последнее Тимоти вынес стоически, ухитрившись даже пару раз улыбнуться в ответ на поздравления. Хаггерс отнюдь не был столь наивен, чтобы всерьез полагать, будто его общество доставляет ученым радость: в исследовательском центре его недолюбливали. Впрочем, это уже не имело ни малейшего значения. Главным был достигнутый результат.

Не без облегчения покинув комнату, генерал прошел коротким коридором и вызвал доставивший его на два уровня выше лифт. Можно было звонить президенту и министру обороны. Да, теперь можно! Начальство, как известно, любит лишь тех, кто несет добрые вести. Остальных... остальных оно не то чтобы не любит, просто служат эти *остальные* исключительно в отдаленных гарнизонах.

На Аляске...

Глава 6

...«Лица стерты, краски – тусклы». Совсем как в старой песне «Машины времени». Вакулов додумывал эту неожиданно пришедшую ему в голову мысль, уже остановившись возле продавца. В принципе, он не собирался задерживаться возле него и даже прошел было мимо, но... Какое-то смутное чувство *узнавания* царапнуло Ивана, заставило резко затормозить и вернуться назад.

Старик в темно-сером поношенном дождевике понуро сидел на поставленном на попá деревянном ящике, а перед ним, на расстеленной прямо на асфальте клеенке, лежало несколько кукол. Голова мужчины была непокрыта, и ветер лениво играл на удивление длинными прядями его седых волос.

Сначала продавец никак не отреагировал на Ивана – мало ли кому вздумается задержаться, чтобы бросить взгляд на явно неходовой товар? Но Вакулов не уходил, и старик поднял на него слезящиеся, покрасневшие глаза.

– Вас что-нибудь заинтересовало, молодой человек? – равнодушно, явно ни на что не надеясь, спросил он усталым, слегка хриплым голосом.

Иван, задумчиво разглядывавший кукол, ответил не сразу.

– Кого-то они мне напоминают, – медленно проговорил он, словно бы размышляя вслух. – Что-то такое... *из детства!*.. Нет?

Старик нехотя улыбнулся, но промолчал. Иван, поняв, что подсказки не будет, усмехнулся.

– Да ладно, я уже и сам вспомнил! – Вакулов торжествующе улыбнулся и тут же охнул – боль в том месте, куда ударил его один из неизвестных (пока неизвестных!) похитителей, пронзила голову раскаленной иглой. Иван осторожно дотронулся до ушиба, помянув неласковым словом «совоносителей» всех видов. Старик раскрыл было рот, но передумал и говорить ничего не стал – мало ли, как отреагирует на его замечание этот странный парень в военной форме без знаков различия с забинтованной головой? Может, он вообще... того? Вдруг озлобится и полезет в драку? Нет, *нынче* надо быть аккуратнее с незнакомцами!

Старик нахохлился и снова принялся разглядывать трещинки на асфальте.

Вакулов осторожно, стараясь опять не потревожить рану, усмехнулся краешком губ. Опасения старика были ему вполне понятны.

– Так вот, папаша, – как можно более мирно сказал Иван так, будто продолжал прежнюю фразу, – сдается мне, что этих вот кукол я в свое время видел в театре Образцова, а?

Старик вздрогнул и с неожиданной резкостью поднял голову.

– Однако вы меня приятно удивили, юноша, – воскликнул он радостно. – Я пребывал в полной уверенности, что о *том* кукольном театре сейчас уже никто не помнит... Или не хочет помнить – сейчас ведь гораздо проще сходить на спектакль одного из этих... «волшебных» театров! – старик скривился, словно от зубной боли.

Иван неожиданно сильно проникся чувствами своего собеседника – ему самому было столь же горько осознавать, что и в медицине на ведущие роли сейчас вышли всевозможные целители, знахари, адепты магических культов и тому подобная публика, а профессионалы старой школы оказались выброшены на обочину. Даже сам Вакулов, с его нехилой подготовкой, полученной после поступления в отряд, так и не смог найти применения своим талантам на гражданке. Во-первых, действовало ограничение по подписке о неразглашении; во-вторых, специфика его прежних занятий существенно отличалась от «мирного» здравоохранения; в-третьих... Да какая, в общем-то, разница – сколько там этих во-первых, во-вторых, в-третьих! Главное, что он просто оказался лишним в сложившейся системе!

Впрочем, Иван твердо решил для себя, что она система об этом еще пожалеет. Очень хотелось надеяться, что сильно...

– ...и это оказалось единственным, что мне отдали в качестве награды за прежнюю работу. – Вакулов спохватился: старичок, оказывается, все это время что-то ему рассказывал. Хотя, в общем-то, догадаться, о чем шла речь, было несложно – наверняка старый театр в новых реалиях приказал долго жить, а бывшему сотруднику отдали теперь никому не нужные куклы в качестве то ли выходного пособия, то ли награды «за все хорошее». Банальная, в общем-то, история...

Но отчего же Вакулов никак не мог заставить себя повернуться и уйти? Ностальгия, сентиментальность? Бог его знает! Но Иван, глядя на побитых временем кукол, вдруг решительно запустил руку в карман и, не считая, сыпанул на клеенку опешившего старичка ворох смятых купюр. Все, что у него было при себе.

– Зачем?! – слабо запротестовал старик. – Я не могу этого принять! Что вы! Молодой человек, я, видите ли, никогда, слышите – никогда не...

– Молчи, батя! – жестко оборвал его Вакулов. – Это не милостыня, а... ну, скажем, спонсорская помощь. Понял?

Старый актер часто-часто закивал, жалко улыбаясь и бормоча какие-то нелепые слова благодарности. Ивану вдруг стало отчего-то невыносимо стыдно, и он, чувствуя, как неудержимо краснеет, повернулся и пошел дальше по тротуару.

– Молодой человек, подождите! – догнал его окрик.

Иван повернулся. Запыхавшийся старичок тяжело дышал.

– Едва догнал вас, – пожаловался он, – вот, возьмите! Поверьте, это тоже от чистого сердца! – Дедок протягивал ему тряпичную фигурку ведьмы в остроконечной шляпе, лихо оседлавшую небольшую метлу. – Это не причинит вам зла, а наоборот, поможет! – торопливо сказал старик, заметив, что Иван не выказывает желания брать у него из рук подарок.

– Да, я знаю, – тихо проговорил Вакулов, заморожено глядя на игрушечную колдунью.

Он действительно это *знал*...

Подмосковье, пятнадцать лет назад

...Они пробирались сквозь чахлую лесопосадку, замирая от каждого шороха. Провала не должно было быть. Точнее сказать, у них не было бы ни одного шанса выжить, заметь их кто-нибудь посторонний, – члены секты не оставляли в живых не то что случайных свидетелей, а и просто оказавшихся рядом с их логовом по неосторожности или по незнанию людей.

В Службе совершенно случайно узнали о существовании на подконтрольной территории этого сатанинского шабаша. Он давным-давно перешел ту грань, что отделяет пусть и не очень умное, но по большей части безобидное для окружающих увлечение «темным культом» от представлявшего реальную опасность сборища убийц и садистов, вооруженных, ко всему прочему, мощными талисманами, амулетами и чародейскими способностями некоторых из своих adeptов. Нечего было и думать о том, чтобы привлечь этих уродов к ответственности с помощью законных методов – слишком зыбки были данные о происходящем за стенами загородного особняка, где располагалась секта. Да и сама нынешняя ситуация, то хрупкое равновесие, «вооруженный до зубов нейтралитет», что сложилось между официальными властями и все более и более набирающими силу магами, грозило разлететься вдребезги при появлении малейшего повода у последних поднять вой об ущемлении их прав.

Именно поэтому руководство Службы приняло решение, не афишируя своих действий, нанести точечный удар. Опять же – хорошая проверка для созданной втайне спецгруппы, что должна была, по замыслу неких вышестоящих «товарищей», противостоять набирающему обороты разгулу магобандитизма.

Старший лейтенант Вакулов, одновременно исполнявший роли штатного врача, специалиста по разной каверзной химии, психолога, мастера допросов и, разумеется, функции штатной боевой единицы, сейчас шел в головном дозоре. Потому именно он и заметил лежавшую ничком фигуру в длинном темном платье и нелепый остроконечный колпак рядом с нею.

Иван поднял сжатую в кулак руку, подавая товарищам предупреждающий сигнал, и, не отводя ствол «абакана» от незнакомца, стремительно обшарил взглядом окрестности. Все было тихо, никакого подозрительного движения не наблюдалось, однако Вакулов не спешил двигаться с места.

За спиной раздался короткий условный свист, и Иван облегченно выдохнул: это был сигнал, что рядом нет спрятавшихся физически или укрытых с помощью заклятия живых существ, превышающих размерами домашнего хомячка. Хитроумный приборчик, сочетавший в себе функции теплового сканера, пси-локатора и еще много-много чего, практически не давал сбоев. Правда, до конца старлей все равно не расслаблялся – соответствующее, гм, воспитание, знаете ли, не позволяло! Некогда ему твердо-натвердо вдолбили в голову, что ротозеи долго не живут. Во все времена и при любой власти. Пусть даже и магической...

Вакулов привычно забросил автомат за спину, осторожно подошел ближе, сноровисто проверил человека на предмет взрывающихся, плюющихся молниями, замораживающих и творящих прочие мерзости – нужно подчеркнуть – *сюрпризов* и осторожно перевернул тело.

Батюшки святы, да это ж ведьма! Самая что ни на есть настоящая ведьма! Ну, или женщина, до жути на таковую похожая, по крайней мере, внешне. Или, если уж быть до конца точным, похожая теми стереотипными признаками, что приводятся в фильмах, книгах и спектаклях, где присутствуют оные персонажи. Беспорядочно спутанные пряди черных до синевы волос, нос с горбинкой, родинка-бородавка над верхней губой, синие полукружья под плотно закрытыми глазами, тонкие бледные губы, испачканные чем-то темным...

Прямо-таки победительница конкурса на лучший костюм к Хэллоуину: заклятые заокеанские друзья бы точно оценили!

Стоп, стоп, стоп!

Да ведь она, никак, ранена, и ранена достаточно серьезно! Иван только сейчас разглядел, что черное платье на груди и животе женщины обильно пропиталось кровью. И что на губах у нее вовсе не грязь, как показалось вначале, а кровь. Похоже на огнестрельное ранение, и очень может быть, даже не пулевое. Картечь, что ли? Из помповухи жажнули?

«Так, подруга, а ну не вздумай мне умирать! Сейчас я тебе укольчик обезболивающий сделаю, потом что-нибудь противошоковое вкачу... – подсвечивая фонариком, Иван разложил перед собой укладку первой помощи, выбирая необходимые препараты. Конечно, ведьма, несмотря ни на какую магию, уже не жилец – чтобы это понять, вовсе не нужно быть врачом. Это любой фельдшер или даже армейский санинструктор скажет. Но вот облегчить ее участь... и успеть получить кое-какие сведения еще можно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.